

Светлана Харватова

НЕ ПИЩЕТ
РЯТНОСТЕЙ

Светлана Нарватова

Пиппа ищет неприятностей

«Светлана Нарватова»

2022

Нарватова С.

Пиппа ищет неприятностей / С. Нарватова — «Светлана Нарватова», 2022

Здравствуйте, меня зовут Пиппа, и я – сирота. Нет. Не так. Меня зовут Филиппа Ивэнс, у меня есть талант к магии, ручной шорёк и большое наследство, которое мне неожиданно оставил мэтр. Вместе с наследством появился внезапный жених, гадкий племянник учителя. Единственный способ от него избавиться – добраться до старого врага мэтра и выторговать себе защиту. И мне кажется, что вот этот воин с его небольшим отрядом, – идеальная компания, чтобы доехать до столицы. Что значит, я ищу неприятностей? Я их не ищу. Но если они встретятся на пути, то сами виноваты.

© Нарватова С., 2022

© Светлана Нарватова, 2022

Содержание

Глава 1. Пиппа	5
Глава 2. Пиппа	8
Глава 3. Пиппа	12
Глава 4. Дик	15
Глава 5. Пиппа	20
Глава 6. Дик	23
Глава 7. Пиппа	27
Глава 8. Пиппа	30
Глава 9. Дик	33
Глава 10. Дик	36
Глава 11. Пиппа	40
Глава 12. Дик	43
Глава 13. Пиппа	45
Глава 14. Пиппа	48
Глава 15. Пиппа	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Светлана Нарватова

Пиппа ищет неприятностей

Глава 1. Пиппа

– ...Ты уверен?

Голос ненавистной госпожи Беннет ворвался в мой беспокойный сон, и я сначала подумала, что он это всего лишь кошмар.

– Да говорю тебе! – голос ее сыночка, Чейза, племянника мэтра Риверса.

И тут я отчетливо осознала три вещи. Первое: я не сплю. Второе: я не сплю на чердаке конюшни, куда сбежала от столичной парочки Беннетов, мамы и сына. Они так явно и брезгливо морщили носы, когда встречали меня в доме учителя, что я предпочла вспомнить детство и спрятаться на сеновале. И третье: они меня каким-то образом выследили. И настигли. Среди ночи.

Последнее настораживало сильнее всего.

– Мне душеприказчик написал, как только он изменил завещание. Он всё, до последнего энзоле, оставил ей.

Я закрыла рот двумя руками, чтобы никак себя не выдать. Фух! Они не ко мне. И не про меня. Но какого цхерка они делают ночью в конюшне?!

Внизу зашуршали и заскрипели. Меня подмывало подползти к краю и взглянуть, чем они там занимаются. Но перекрытия были старыми и скрипучими. Мышью прикинуться однозначно не получится.

– И что ты намерен делать? – проскрипела на повышенных тонах мама-Беннет.

– Я намерен жениться, – всем своим видом изображая жертву, заявил Беннет-сын.

То, что рот (и частично нос) был закрыт, меня и спасло. Иначе я бы заржала на всю конюшню. Просто представила себе счастливцу, которой достанется такой подарок: жирный надутый индюк с лысиной, спесью с каланчу высотой и любимой мамочкой. Одной старухи-све-крови бы хватило. А тут весь набор! Как можно отказаться?

– На ней?! – взвизгнула госпожа Беннет.

– А что остается? Теперь он завещание уже не перепишет.

– А если её... – внизу раздался шоркающий звук, глухой стук и женский вскрик. Похоже, она не подрассчитала с жестом.

– Попробуй её найди сейчас.

Внизу снова послышался стук и шорканье.

– А если она не согласится? Ты же знаешь её вздорный характер! – настаивал женский голос.

О! Конечно не согласится. Никто в здравом уме не согласится, я вам сразу говорю. Можете несчастную даже не спрашивать. Зачем травмировать человека?

– Не начинай. Думаешь, я счастлив? Но другого выхода нет. Придётся подпоить чем-нибудь. Регистратора подкуплю. Никто не заметит. Кому она тут нужна? В крайнем случае, пригрожу ее крысу удавить. В конце концов, ей же не нужны неприятности?

Под боком сонно завозился Шбёрка, пряча острую мордочку под пушистым хвостом, и в душе зашевелились мрачные предчувствия. «Крысой» гадкий Беннет называл моего шорька.

– Слушай, а может, подкараулить ее и всё же *того*?.. – прогундосила мамаша. – Все подумают, что это она Миля... *того*. Ограбила и сбежала.

Липкие когти паники впились в глотку изнутри. Они же не имеют в виду, что мэтра... что с мэтром...

– Мама, не говори глупостей! Ты же видела: у него проломан череп. А девчонку видела? Там же кожа да кости. Откуда в ней силе взяться?

– Скажем, что сговорилась с новым любовником убить старого и сбежала.

– Мама, какие «любовники»? Куда там... «любовничать»? Где это у нее там найти? Да и какой ей смысл был убивать, если она – единственная наследница?

– Как какой? Денег нужно!

– Зачем ей деньги? Она же малахольная. Не уверен, что ей известно, сколько стоит хлеб в лавке. Все знают, что она – блаженная дурочка. Никто не поверит, что она могла убить своего учителя.

Страшная реальность напознала на меня, как грозовая туча на небо. Они говорят про меня. Они не знают, что я здесь, но они говорят про меня. С учителем случилось что-то страшное. Что-то очень, очень страшное.

По щекам потекли горячие ручейки. Я смахнула их кистью. Надо же. Я думала, что разучилась плакать за годы скитаний. Но вот привязалась к старику за те семь лет, которые провела под его крышей.

Слезы стали горше.

– Всё равно. Надо отправлять вестника, пусть приезжают дознаватели. Ее нет на месте. Пусть зафиксируют.

– Мама, пойдем лучше еще чего-нибудь ценного поищем. Раз уж такая возможность есть. Всё спишут на воров. А нам какая-никакая, а поддержка.

Внизу потопали, поскрипели, пошуршали, раздались глухие шаги и стук захлопываемой двери.

Глухо заржал Гордый, старый жеребец мэтра. А ведь как тихо стоял, пока Беннеты копошились. Трус.

Я шмыгнула носом, подхватила Шорьку за шкурку и сунула подмышку, где был специальный карман для зверька. Тот поворочался, устраиваясь поудобнее, но не проснулся. Дурная головенка не понимает, что наша с ним жизнь навсегда изменилась. Я вытерла нос и спустилась вниз по шаткой лестнице. Полная луна освещала конюшню. Не лампа, не магический светлячок, но довольно, чтобы оглядеться.

Я прикинула, откуда слышался разговор. По всему выходило, что из ближнего к дверям пустого стойла. Ногой сдвинула сено, открывая земляной пол. Да, здесь копали. Определенно, здесь только что копали. Взяла в углу вилы, которыми разбрасывали по полу сено, и воткнула в землю. Меня сложно назвать силачкой, но с физической работой я справляюсь вполне успешно. Тут гадкий Чейз меня недооценивает. Зубья легко вошли в рыхлый грунт. Я нажала на конец получившегося рычага и почувствовала, как мешает что-то тяжелое. Поднажала, и на поверхности появился небольшой матерчатый узелок, с которого осыпалась земля. Я вытащила его, отряхнула комья и развязала.

Беспорядочно скинутые в кучу, в каком-то платке лежали бумаги, любимые артефакты учителя, пара его перстней, немного наличных и почему-то подсвечник. Не знаю, чем он привлек внимание жадных родственников. В одном Беннеты были правы: я знала цены на продукты, но совершенно не ориентировалась в стоимости дорогих вещей.

Я опустила на колени и разрыдалась. Тихо, но горько. Потом размазала по лицу слезы, завязала узелок, вытащив оттуда только подсвечник. Зачем он мне? Продавать – только выдать себя. А мне нужно бежать. Тихо, скрытно, чтобы гадкие Беннеты не могли меня вычислить. Так что подсвечник остался в земле.

Я тихо пробралась в дом через крышу и бесшумно прокралась к кабинету мэтра.

Он лежал на полу. Вокруг головы растеклась подсохшая лужа крови. Его глаза были открыты и пусты. Слезы вновь полились из глаз. Я смахнула их и прикрыла веки единственному в этом мире дорогому мне человеку. Затем вскрыла тайник, о котором кроме меня и мэтра

больше никто не знал. Он открыл мне его тайну на всякий случай. Я посмеивалась: что с ним случится? Мне он казался вечным. Рассеянным, но теплым и надёжным.

Главного, того, чем мэтр Риверс дорожил сильнее всего, в тайнике не было. Шара-артефакта, уникального творения двух известнейших архемагов современности. Он достался учителю по случаю, и тот берег вещицу от посторонних взглядов, как девица – исподнее. Но теперь шара на месте не было. Зато были конвертик и пузырек, очень важные для меня. На конвертике был адрес, а в пузырьке то, за что заклятый враг мэтра сделает всё, о чём я попрошу. Так говорил учитель.

Я плотно прикрыла тайник, всего на секунду опустила у тела учителя и поцеловала его в ладонь. Благодарю тебя, учитель. Ты стал для меня тем, кого у меня никогда не было. Я никогда не говорила этого вслух, но мэтр Миль был мне как отец.

Задерживаться дольше было опасно. Я и так рисковала. Тем же путем, через тайный лаз в крыше, я выбралась наружу и по лесу, вдоль дороги, освещенной полной луной, потопала в город. В поместье мэтра мне больше делать нечего.

Даже если теперь это моё поместье.

Глава 2. Пиппа

Тетушка Магда не была в восторге, когда с рассветом я постучала в дверь. Но, во-первых, она – целительница. Работа у нее такая: на помощь людям приходить. А ко мне даже приходить не нужно. Вот она я, сама припёр... добралась.

Во-вторых, я лично никогда не отказывала, когда помощь была нужна ей. И травы собирала, если она вырваться не могла в подходящую фазу луны. И артефакты заряжала. И новые делала, когда была необходимость. «Жезл Твердой Решимости» при мужском бессилии, ветрогонную «Сферу Полночного Грома» или «Кровавый Посох в Печень» от колики. Ну понимаете, да? Всякое такое... на что приличный маг десять раз подумает, прежде чем согласиться. И всё равно откажется.

А в-третьих, после нескольких часов пешком по ночному лесу меня не очень интересовали чужие проблемы. Я хотела только снять, как обувь, сбитые о коряги ноги и поспать. И мне даже удалось отбиться от расспросов и немного вздремнуть. Совсем чуть-чуть. Было ощущение, что я только-только закрыла глаза, а в следующий момент по мне уже носился бодрый шорёк. Он свои обязанности выполнил: всю ночь проспал в тепле и уюте. И теперь скакал по мне горным козленочком, требуя поесть.

Я села, потирая глаза. Из коридора слышались шаги, и Шорька рыжей молнией взмыл на полки со снадобьями.

– Ку-уда, мля! – заорала у меня над ухом тетушка Магда.

Росточком она была невысоким, сухенькая такая старушка, чисто полевой одуванчик. Но голосом своим зычным даже самых стойких избавляла от запоров.

Испуганный зверек подскочил на месте, стукнулся головой о верхнюю полку и сбил хвостом фиал с маслом моршанки. Сон из глаз как ветром сдуло. Через мгновение я была под полками и ловила склянку.

Магда, размахивая кулаком, устремилась за Шорькой:

– Ах ты, нешьесс хвостатый! Я тебе сейчас хвост-то выдеру, как поймаю!

Шорька, вдохновленный такой перспективой, промчался от полок по натянутой веревке, на которой сохли веники синецветика, к другой стене. Там стояли фолианты с рецептами примочек и растираний. Книжная полка с обеих сторон была ограничена стенками, и шорёк в панике заметался. Два фолианта я поймала у самого пола руками, и еще один – макушкой. Целительница споткнулась об меня и выдала несколько неприличных выражений. Потом уточнила, что они не предназначались для моих ушей, и помчалась дальше, потому что Шорька уже скакал по другой веревке, в сторону двери.

– Тётя Магда! – окрикнула я, потирая поясницу, которой досталось острой «одуванчиковой» коленкой. – Оставь его в покое. Его еще никто не поймал, из тех, кто пытался.

– Вредитель же! Не могла кого-нибудь полезного завести? – покряхивая и растирая коленку, заворчала Магда, возвращаясь. Шорьки и след простыл.

– Он полезный. Сейчас отловит у тебя пару мышей и с десяток тараканов. Ты же его завтрака лишила. Возвращаться пока он не рискнет, а жрать хочется. Я бы тоже не отказалась.

– Так иди налови, – целительница сделала невинное лицо. – Чего ты явилась-то ни свет ни заря? – вспомнила она.

– У меня есть две плохие новости и одна хорошая. С чего начинать?

– Давай с плохих. – Тетушка Магда присела на тахту для осмотра больных, где я спала, и повернулась ко мне правым ухом, которое у нее лучше слышало.

Я тоже села, смахнула слезу и сказала, глядя в окно на противоположной стене «смотровой»:

– Мэтра ночью не стало.

– Как?! – всплеснула старушка руками.

– Не знаю. Грабитель уб... – я поняла, что не могу произнести это слово, – ударил его по голове чем-то тяжелым.

– И что же теперь будет? – целительница растерянно уронила руки на колени.

– Гадкие Беннеты хотят забрать поместье и всё, до чего дотянутся их жадные ручонки.

– А как же ты? Что будет с тобой? – тетушка Магда подняла взгляд на меня.

– Что со мной будет? Не знаю. Я подслушала разговор Беннетов. Мэтр сделал меня единственной наследницей.

– Это та самая «хорошая новость»?

– Нет, тётушка. Это вторая плохая.

– Что ж тут плохого?

– Я теперь, тётушка, для Беннетов как бельмо в глазу. Они к мэтру совсем с пустым карманом приехали. Теперь пока всё до последнего энзоле не вытрясут, не успокоятся.

– Да уж. Удружил братец мэтру с родственничками, ничего не скажешь...

Мы помолчали.

– А хорошая новость какая? – наконец заговорила тётушка.

– Я еду в столицу. Искать защиту.

– С ума сошла?! Нечисти, говорят, полно на подъездах к престольной. Опасно. А молоденькой девушке ехать одной – вообще искать себе неприятностей на одно место.

– А я не как девушка поеду. Я пока сюда шла, всё обдумала. Я поеду как парнишка. Послушай! – прервала я возражения, которые были готовы вырваться из нее, как клубы пара из-под крышки кипящего котла. – Подожди. Для Беннетов я – единственное препятствие между ними и деньгами учителя. Им нужно либо объявить меня женой гадкого Чейза, что меня не устраивает, либо прирезать где-то тихонечко, что не устраивает меня еще сильнее. Единственный способ – сбежать прямо сегодня, так, чтобы никто не узнал.

– Забудь об этом, дознаватели тебя никуда не отпустят! – горячо возразила целительница.

– В том-то и весь смысл! – я вскочила и пошла, пригибаясь под вениками, к окну. – В том-то и смысл, тетушка! Мне нужно сбежать и от дознавателей!

– Ты не боишься, что тебя могут обвинить в убийстве? И воровство, чего доброго, припишут. Эти Беннеты – такие жабы, я хочу сказать, – тетушка Магда сморщила и без того морщинистое лицо.

– Мэтр Миль всегда говорил, что между двумя плохими решениями нужно выбирать то, которое оставляет больше шансов для удачного исхода. – За окошком тётушки цвели бордовые розы, ее гордость. На улице было тихо. Мне очень повезло, что у целительницы не было ранних посетителей. – Пойми, если Беннеты захотят свалить на меня вину, они это сделают в любом случае, останусь я здесь или не останусь. И всё остальное провернут, например, похитят, опять и свяжут браком. Так что оставаясь здесь, я точно пропаду. А если доберусь до столицы, у меня появится шанс на нормальную жизнь. – Я помолчала. – Учитель бы одобрил, – тихо закончила я. – Я думаю.

Мэтр всегда учил искать выход из самой безвыходной ситуации. Он никогда не подсказывал мне, вынуждая принимать решения самостоятельно. Нет, он определенно не хотел бы, чтобы я сдалась!

– Тётушка, всё у меня получится. Только нужна будет твоя помощь.

Мы управились довольно быстро. В ход пошли старые штаны младшего сына тётушки Магды, которые лет тридцать пролежали в сундуке, а потом еще с десятков использовались по случаю куда-нибудь подложить. Заслуженные штаны, с парой заплаток и прорехой на коленке, которую я сразу заштопала.

Рубаху взяли мою, которую я для всяческих неблагородных работ использовала. Она была простая, ношенная, но крепкая и приятная к телу. И главное – с карманом для Шорьки.

Из чистого холщового мешка смастерили бесформенную жилетку, наскоро подобрав края грубыми швами-крестиками. И обмяли её ребраком для имитации нелегкой жилетковой жизни.

Ботинки тоже решили не менять. Удобные ботинки – половина удачи в дороге. Мне хватило коряг. Еще мозолей от непритёртой обуви не хватало. Ботинки были дороговаты для бедняка-мальчишки, пришлось их немного попортить молотком, теркой и глиной с заднего двора. Вышла красота! Гардероб готов, хоть сейчас милостыню просить. Мы перешли к пункту два. Теперь из Филиппы нужно было сделать Филиппа.

К корсету от поясных болей подшили валик ткани, чтобы скрыть изгиб тонкой талии. Надшили его немного вверх, чтобы утянуть грудь. Со стороны на вид получилась приспособа, какой можно поддерживать спину при травмах. Напоследок тетушка Магда притащила мешочек из тонкой кожи, набитый лебяжьим пухом.

– Парень ты или кто? – ответила целительница на мой вопросительный взгляд, когда потянулась к штанам.

Вообще-то, «или кто». Но разницу между девочками и мальчиками я представляла. И в родах тетушке Магде помогала, и просто голозадых детишек в поместье у мэтра имела честь наблюдать. Поэтому ее идею уловила.

– А чего такой маленький? – возмутилась я.

– Ишь ты?! Ещё парнем не сделалась, а ей уже побольше подавай! – зашипела на меня тетушка. – Мериться задумала? Твоё дело – сидеть тише воды ниже травы! Чем незаметнее, тем лучше. Лучше слабый, но живой, чем сильный, но мёртвый.

Она знала, о чём говорила. Старший её сын погиб в пьяной драке.

– А я никуда и не лезу.

– Это ты-то никуда не лезешь?! Да ты лезешь везде, где можешь пролезть! А не можешь ты, пролезет твой злыдень, – пробурчала она, приторачивая мешочек к мотне.

– Он не злыдень, он шорёк.

– Может, он сбежит, а? – с надеждой в голосе поинтересовалась целительница.

Из темного коридора раздался посвист и щелчки.

– Тьфу ты, нечисть какая! – в сердцах сплюнула Магда.

Разумеется, она знала, что Шорька – никакая не нечисть, хотя я подпитывала его магией. В природе он бы уже давно издох. Шорьки живут года три от силы. А Шорьку я подобрала подбитышем восемь лет назад. Он был со мною даже дольше, чем мэтр Миль. Но тетушка Магда всё равно его недолюбливала – за любопытный нос и пакостливый характер. Ну тут что? Какова хозяйка, таков и зверь. Я тоже, знаете, не фиалка в бутоне.

Когда мы закончили приготовления, я перекусила краюхой хлеба с молоком и принялась за последнюю часть превращения. Длинные рыжие волосы криво обрезала ножом. Жалко, конечно. У меня всех девичьих богатств-то и было, что огненные волосы ниже попы да синие глаза. Но лучше стриженная, но свободная, чем с косой, да на привязи, если переиначить слова тетушки Магды.

Голова стала непривычно легкой. Я сполоснула шевелюру настойкой черноплодника, чтобы спрятать предательскую медь, а потом еще втерла в волосы немного растительного масла, чтобы они не вздымались вокруг головы одуванчиком. Зубы зажелтила теми же ягодами, которым подкрасила волосы. То же самое предстояло сделать с кожей лица и рук. Руки вообще были проблемой. Слишком маленькие и слабые. Не мужские руки. Но других-то нет... Оставалось надеяться, что никому не захочется со мною за руку здороваться.

Глянула в зеркальце на размазанную по лицу грязь. Я бы точно не захотела.

– Ты хорошо подумала? – спросила целительница, после того как мы посидели на дорожку. – Могла бы просто спрятаться в какой-нибудь деревушке поблизости.

– Это ничего не решит, – пожала я плечами. – Учитель говорил, что от проблем не убежать. Они непременно настигнут. Потому что, как тень, растут из тебя.

Я закинула на плечи вещевой мешок с пожитками, среди которых нашлось место для находок из схрона гадких Беннетов и кое-чего из запасов целительницы.

– К тому же учитель говорил, что в любом плохом, что с тобой случилось, всегда есть что-то хорошее.

– Что же тут хорошего? – пробурчала Магда, поправляя на мне одежду.

– Во-первых, какая бы беда с тобой не приключилась, она уже позади.

– Еще и во-вторых есть?

– Даже в-третьих! – я тихонько свистнула, подзывая питомца. Тот, недоверчиво поглядывая на хозяйку дома с полки в сенях, таки осмелился прыгнуть мне на плечо, а оттуда юркнул в подмышку. – Во-вторых, любая проблема – это источник опыта.

– Ну?.. – старушка повела рукой, приглашая продолжить.

– А в-третьих, завершение чего-то старого, это начало чего-то нового. И каким будет это новое, зависит только от меня. Благодарствую за помощь, тётушка Магдалена, – я поклонилась ей в пояс.

– Храни тебя Защитница, – ответила целительница и украдкой смахнула слезинку.

Новый путь, новые люди, новые возможности. Это однозначно лучше, чем гадкий Чейз Беннет в моей постели, который не уверен, что меня есть куда «любовничать». А с неприятностями будем разбираться по мере их поступления.

Глава 3. Пиппа

От тетушки я выбиралась задворками. Она жила под крепостной стеной и могла себе позволить несколько плодовых деревьев, с десятков ягодных кустов и овощные грядки, как и её соседи. По дороге я увела жменью полуспелых ягод с ближайшего участка, за что получила от дородной тетушки Пэгги пару ласковых в спину. Что ж, раз знакомые не узнают, может, и незнакомые не заметят. Для меня главное было пройти мимо стражи на воротах. В городе под настоящим именем меня знали лишь те, кто бывал у мэтра. А таких можно было по пальцам пересчитать. Он жил затворником. Были те, с кем я пересекалась у тетушки Магды, но не думаю, что они меня запомнили. Какая-то случайная девка, чего её запоминать. Опознать могли заказчики артефактов. Но вряд ли кто-то из этих уважаемых людей стал бы разгуливать ранним утром по улицам Талыма. Поэтому я не столько боялась быть узнанной, сколько выглядеть неестественно и тем привлечь внимание служителей порядка.

Я немного отошла от города по лесу, а потом присоединилась к толпе крестьян, бредущих на городской рынок. Мало ли, за какой нуждой человек в кустики заходил? Немало. Особо любопытства мой выход не вызвал. Протопав какое-то время среди гомонящего народа, я разговорилась с возницей подводы, полной сена. Он пожаловался на мышей, которые побили хлеба. Я поделилась бедой с земляными гусеницами и корневой мухой. Мужичок присоветовал поливать грядки настойкой крестовника. Я с серьезным видом покивала. У нас в поместье этот крестовник бочками квасили. Только толку чуть. Эти твари и лезут и лезут из земли. И лезут и лезут. У меня чуть рука последние две недели не отсохла вырезать Прикопатени от Ползучих Летунов. Даже мозоль натёрла под указательным пальцем от усердия.

...Может, эта мозоль меня и спасёт?

А вообще, мне легко давалось всё, что касалось излечения, управления живностью, ростом растений. Мэтр говорил, что и Шбрьку я потому выходила, что неосознанно использовала магию. Мэтр Миль владел всеми заклинаниями: и боевыми, несущими смерть, и природными, дарующими жизнь, и преобразующими, меняющими свойства предметов. Учитель говорил, что по правде между ними нет никакого деления. Магия одна. Всё зависит от человека, от его сути, желаний и чувств. Из вспыльчивых магов лучше получались боевые, из стеснительных домоседов – артефакторы, из людей с легким нравом – маги жизни. Почему из меня получился маг-природник, совершенно неясно. По этой логике, должен был выйти боевик. Но почему-то не вышел. И даже не зашёл. Боевые заклинания у меня совсем не получались. А вот артефакты у меня хорошо выходили. Только скучно это, над палочками сидеть, строгать. Можно из камня или металла их делать, но тут у меня вообще терпежу не хватало.

За разговорами да обсуждениями, как дальше жить (а дальше жить, на словах, предполагалось тяжело и надсадно, чтобы не сглазить удачу), мы миновали городские ворота. Я даже заметить не успела. Сообразила, когда за воротами мы встали. Совсем. Не в состоянии проехать. Две телеги сцепились оглоблями и постромками. Их владельцы лаялись в полный голос, обвиняя друг друга в дырявых руках, пустых головах и глазах на сидячем месте. Остальной народ стоял в обе стороны дороги, сколько было видно, и тихо внимал разборкам. Почему тихо, я поняла, когда дедок мой – не мой, но который меня подвез, – попытался влезть с советом, что надо-де расцепить. Он и окружающие узнали много нового о тайнах зачатия и рождения непрошеного советчика.

Я поблагодарила возницу за помощь, расплатилась пирогом с яйцами, заботливо завернутым тётушкой Магдой в чистую тряпицу, и потопала вперед. Какой мне смысл стоять? Я – не подвода, мимо этих дятлов протиснусь. Мне почти удалось их миновать, когда на сцене появились новые действующие лица.

Лиц было двое. Пара мужчин, о чем-то переговариваясь, шли по другой стороне дороги в одном со мной направлении. Один был постарше и дородней. Тяжелая кираса и наплечники делали его почти квадратным. У него была густая каштановая шевелюра с заметной проседью и такая же борода. Второй был поуже в плечах, но только по сравнению со спутником. Он был в легкой кольчуге. Длинный меч сообщал о его отношении к воинской братии тем, кому не хватило фигуры и кольчуги. Темные волосы были слишком коротки, чтобы понять, выются ли они. Лица я не видела, так как они шли впереди. Но мне казалось почему-то, что он должен быть хорош собой. Я, конечно, сегодня парень. Но чуть-чуть девушка. Может же девушка немного помечтать?

Так вот, парочка эта поравнялась с повозками и направились в самый центр событий. Туда, где сцепились оглобли. Дядька с визгливым голосом, который делился сведениями о возможных отцах моего возницы, попытался что-то сказать, но под взглядом того, который похужее, так и застыл, рот раззявив. Воины, взявшись на борт той телеге, что была почти не гружёной, дернули вверх. Лошади заржали. Встречная подалась в сторону ворот, освобождаясь из плена, и понуро зашагала по мостовой. Мужчины опустили повозку на колёса, одновременно отряхнули руки и пошли вперед, не обращая внимания на слова благодарности.

Я тоже пошла.

Я держала путь в конные ряды. Там обычно селяне-возчики подбирали тех, кому по пути, чтобы заработать копеечку на порожней телеге. Здесь же собирали желающих в дальние обозы. И охранники на обозы нанимались тут же. В общем, всё, что касается поездок, дальних и ближних, решалось под храп лошадей и перестук копыт, в запахе конского пота и навоза.

Сюда же, как выяснилось, направлялась и пара воинов. Толпа становилась всё плотнее, голоса глашатаев выкрикивали направления. Я рискнула приблизиться к ним почти вплотную. Да, любопытство – мой порок.

– ...думаю, мы должны добраться до столицы дней за десять, – говорил тот, который поуже. И помоложе, судя по голосу.

– Ты уверен, груз будет в безопасности?

– Оуэн, какая может быть безопасность сейчас? – спросил молодой. – Но тут ничего не поделаешь. Или незаметно, или безопасно.

– Тут-то ты прав, – согласился кучерявый. – Но, может, больше бойцов возьмешь?

– Кого?! – воскликнул в сердцах темненький и повернулся к собеседнику, показывая профиль.

Честно говорю, на какое-то время я выпала из реальности и шла за ними, не задумываясь, как овца в отаре. Интуиция меня не обманула. Я, правда, не всё разглядела. Он быстро отвернулся. И мне еще хотелось спереди на него посмотреть. Просто чтобы убедиться, что не почудилось с недосыпу.

– ...Всё будет нормально. Я сделаю всё, что от меня зависит, – уверил черненький спутника и протянул ему руку для прощания.

Я снова зависла. Нет, мне не показалось.

– Давай, Дик-кий, – курчавый протянул эту «к» и похлопал мужчину по плечу. – Я верю в тебя.

И пошел.

И черный пошел.

Я, как осел между двух колючек, переводила взгляд с одного на другого. И пошла за морковкой. В моем одурманенном сознании, как бобы в похлебке, булькали слова: «столица», «незаметно», «безопасно». Слова были знакомые, но смысл их терялся.

Стоп!

Я встала.

«Столица». «Незаметно». «Безопасно». Это же то, что мне нужно!

Я ускорилаь, обогнала чернявого и встала у него на пути, глядя на тяжелый, не новый меч.

– Дяденька, а возьмите меня с собой! – успела выпалить я, прежде чем подняла глаза. Это хорошо, что успела. Потому что когда подняла, я уже ничего сказать не могла.

Глава 4. Дик

Мы встретились с Оуэном с самого утра. Настолько раннего, насколько это вообще возможно. Я хотел покинуть этот городок как можно скорее. Хотел быстрее покончить со всем этим. Мы шли от дома, который ему снимал магистрат, в сторону рынка. Мне нужно было докупить еще одного коня – в повозку.

– Сфера у тебя? – спросил Оуэн, когда гомон просыпающегося городка отделил нас от любопытных ушей.

– Да.

– Думаешь, это не фальшивка?

– Уверен.

Я чувствовал это. Не должен был. Но почувствовал, когда взял его в руки. Это был Он. Источник моих проблем. И даже если ничего нельзя исправить, меня будет хотя бы утешать мысль, что всё было не зря.

– Откуда он у старика?

Я дернул плечами:

– Не знаю. Он не признался. Но какая теперь разница?

– Теперь никакой.

Мы немного помолчали. Каждый о своём. Лично я думал о том, что десять последних лет моей жизни прошли не впустую. Мне не верили. Некоторые вообще говорили, что Сферы по-настоящему никогда не было. Что это выдумка. Сказка. Байка. Но я верил в её существование. И искал как одержимый. Теперь осталось только доставить артефакт в столицу. Это было странно – достичь желаемого. А дальше что? Куда двигаться дальше? К чему стремиться? Я не знал. Я никогда не загадывал, что будет *потом*. Это «потом» казалось недостижимым. И вот настало.

Не знаю, о чем думал Оуэн. Он был одним из немногих, кто поддерживал меня в поисках. Это была наша общая находка. Общая победа.

Спокойный утренний перестук-перекрик, замешанный на ароматах горячего хлеба, был нарушен воплями ссоры. Перегородив улицу, на мостовой орала два бородатых мужика, которые собрали очереди в обе стороны.

– О! Два повелителя дороги собирают дань почтения с трусливых подданных, – высокопарно заметил мой спутник, граф Кросби, приближённый Его Величества, испорченный придворной жизнью.

– Называй вещи своими словами: два идиота предпочитают искать виноватого вместо решения проблемы.

– Так и я о том же, – заявил Оуэн с усмешкой.

Да, Талым – не столица. Здесь не было необходимости держать язык в узде. Хотя бы с приятелями.

– Пойдём снимем с них бремя власти, что ли, – предложил он.

– Добрый ты.

Не торопясь, мы направились к месту бедствия. Один из хозяев хотел нам что-то сказать. Недоброго. Но встретившись со мной взглядом, заткнулся. В этом не было моей заслуги. Просто глаза у меня были не такие, как у всех. Они были черными, лишенными радужек, и только из центра зрачка, темно-темно-серым по черному, растекались спирали. Пугающее зрелище. Я тоже в первое время привыкнуть не мог. Знак мага, проклятого на крови.

Повозка была не слишком нагружена, и мы вдвоём хоть с усилием, но приподняли ее край, высвобождая оглоблю. Лошади радостно заржали и потопали к месту назначения.

Хорошо им. За них уже решили: куда им идти, что делать сегодня вечером и завтра днем. А мне всё решать самому. Искать новый смысл жизни, чтобы не опуститься, как отец.

Мы еще помолчали. Казалось, столько не виделись... Столько всего нужно было рассказать на прощание. А мы молчали.

– Как обстановка у Блэчертона? – прервал безмолвие Оуэн.

– Нечисть валит валом. Но столица стоит.

– У тебя надежное сопровождение?

Мне хотелось рассмеяться, но уж очень это было не смешно.

– Буквально за день до моего появления кто-то сделал крупный заказ среди наёмников.

В итоге у меня в отряде одно отребье. Хотя я даже мага смог найти. Правда, до сих пор недоумеваю, как уговорил его присоединиться к нашей банде...

– Скольких ты набрал?

– Пятеро, помимо меня. Не нужно на меня так смотреть, – ответил на укор и недоумение во взгляде. – Чем больше отряд, тем он заметнее и инертнее. И если про Сферу прознают другие, мне целая армия потребуется. Поэтому лично я ставлю на незаметность и маневренность. Думаю, мы должны добраться до столицы дней за десять, – прикинул я благоприятный сценарий.

– Ты уверен, груз будет в безопасности?

– Оуэн, какая может быть безопасность сейчас? Но тут ничего не поделаешь. Или незаметно, или безопасно.

– Тут-то ты прав, – согласился мой собеседник, поглаживая окладистую бородку. – Но, может, больше бойцов возьмешь?

– Кого?!

Когда я вспоминал воинов своего отряда, меня пробивал истерический смешок. Утешало одно: лично я бы ни за что не заподозрил, что они могут везти что-то ценное.

– Ладно, я понял, – улыбнулся Оуэн. – Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Мы дошли до конных рядов, внезапно дошло до меня. Резкий лошадиный запах ударил в нос, будто стоял наготове и ждал, когда же его заметят.

– Всё будет нормально. Я сделаю всё, что от меня зависит, – уверил я спутника и протянул руку.

Говорить нам, как оказалось, было не о чем. Зачем мучить друг друга, выцеживая из себя слова?

– Верю, – провожатый крепко сжал руку.

Мы обменялись еще парой незначимых фраз и разошлись. Оуэн – домой, я – выбирать клячу в дорогу.

И тут чуть ли не под самые ноги мне выкатился паренек лет пятнадцати, тощий и хлипкий, как подснежник в лесу.

– Дяденька, возьмите меня с собой, – обратился он ко мне, разглядывая мой издававший виды меч.

А когда поднял взгляд на лицо, заткнулся на счет «раз».

Я сложил руки на груди для пущего эффекта. И слегка нахмурился. Обычно этого хватало, чтобы народ несея прочь, сверкая пятками.

У пацана медленно отпала челюсть, открывая ровные, но желтоватые зубы. Видимо, так испугался, что ноги отказали.

– Так что ты там спрашивал? – решил я придать ему ускорения.

Он проморгался, будто только проснулся:

– Дяденька, возьмите меня в работники! – спросил он звонко и громко, растягивая губы в улыбку. На его по-детски округлых и гладких щечках появились ямочки.

Дурачок, что ли?

– Паренек, ты иди, иди куда шел, – я показал ладонью направление. Куда угодно, в общем-то.

А сам направился вдоль рядов, поглядывая по сторонам. Лошадь требовалась тягловая: крепкая, надежная, спокойная. Для досужих взглядов нужно было создать иллюзию ценного груза, и прямо с утра я затарился. Да перестарался на радостях. Лошаденка, которая мне досталась с повозкой, посмотрела на бочки местного пива, кованые сундуки и чуть не свалилась без чувств, прикладывая к морде подкованное копыто.

– Дяденька, а дяденька! – меня одернули за рукав. – Возьмите меня с собой, я вам пригожусь!

– Да с чего ты взял, малой, что ты мне нужен?

– Я вам, может и не нужен, – неожиданно признался пацан. – Вы мне очень нужны.

Я прямо опешил от такого признания.

– Дяденька, я же всё-всё умею, – продолжил свою умильную речь парнишка. – Я и готовить могу, и за лошадьми могу, и посуду помыть, и вещи заштопать! Я же на все руки! И ем я мало.

– Так тебя и кормить нужно? – я всё глубже поражался наглости пацана.

– А всех работников нужно кормить, дяденька, – просветил отрок. – Знаете, – доверительно произнёс он, – если работников не кормить, оне того... Мрут. От мертвого работника какая польза? – логично подвел он.

– Так ты мне что живой, что мертвый не нужен, – по слогам произнес я.

– Дяденька, вам-то я не нужен. Я себе живой нужен. Вы возьмите меня, дяденька! А то я тут помру. Вам потом стыдно будет, дяденька!

Вот про «стыдно» мне еще никто не говорил. Наверное, все были убеждены, что если человек – проклятый на крови маг, то стыда у него точно ни на энзоле.

– С чего это вдруг ты должен без меня помереть? – мне даже интересно стало.

– Так, дяденька, хозяин-то мой ночью преставился. А жена у него – сущая гадюка, только толстая, как свиноматка, и злая, как голодный кобель. Она, дяденька, меня сразу со свету сживет.

– Это за что?

– Так, кто их, дяденька, баб свиноматковых-то знает? – пожал узенькими плечиками мальчишка.

Я еще раз его оглядел. Мальчик был тоненький-тоненький, видимо, кто-то из флаобских наемников наследил. И глаза, как у флаобцев, у него были чисто-голубые, как вода в горном роднике. Волосы только не вороной масти. И даже несмотря на паклю невымытых волос и грязное лицо, парень был смазлив. А когда улыбался, даже мне хотелось улыбнуться в ответ. Понятно, с чего на него хозяйка взъелась. Близок локоть, а не укусишь. Только беситься и остается.

– Дяденька, а я даже травы знаю! Возьмите, дяденька! Вы не пожалеете!

Впереди раздался окрик, свист кнута и надсадное лошадиное ржание. Я дернул головой в сторону звука. Мальчишка тоже развернулся. В его глазах застыла боль, будто это его... Он взглянул на меня, практически умоляя. Я пошел на шум, раздвигая толпу. Свист и снова ржание. Конечно, какое мне дело? Я же проклятый на крови маг. Откуда у меня чувствам-то взяться? Но рядом со мной бежал мальчишка с родниковыми глазами, безошибочно находя прорехи среди толпы.

В загоне, встав на дыбы, хрипел конь. Здоровенный коняра с огромными мохнатыми ногами. Мужик с кнутом был одет в недешевые сапоги, да и одежда выдавала состоятельного человека.

– Ах ты ж нечисть проклятый! – орал он, замахиваясь кнутом.

– Дяденька, вам же конь нужен был, да? Возьмите коника, а? Ведь вы же можете?

– Он же бешеный, – возразил я.

Жеребец, конечно, был хорош. Но я-то планировал взять спокойную скотину.

– Вот. И я говорю: Беня Гаррисон бешеный, – зашептал парень, потянувшись ко мне, и мне почему-то стало так... спокойно, будто он был моим давним приятелем. – Он же забудет животинку насмерть.

– Я про коня, – так же негромко возразил я.

– Конь-то что? Конь как конь. Возьмите, дяденька. Добрый конь-то!

– Какой же он добрый, он одним копытом вмажет, – словно подтверждая мои слова, зверюга подскочил, развернулся и, дернув крупом, лягнул воздух возле самого носа «бешеного Гаррисона». – А вторым добьёт.

– Да вы не волнуйтесь, дяденька. Я с конями умею. Вы главное его возьмите, – и, не дав мне слова насмешливого сказать, добавил. – Позовите его, – мальчишка мотнул головой в сторону мужика с кнутом.

– Эй, хозяин! – я чувствовал себя последним идиотом, но смотреть на истязание животного тоже не хотелось. Даже если животное дикое. Чего он его на рынок тогда привел?

Жеребец тем временем, дико голося, козлил в узком загоне, и мужик решил воспользоваться поводом для отступления.

– Чего тебе? – недовольно буркнул он, но увидев, с кем говорит, поумерил гонор.

– Ты за что коня-то?

– А тебе какое дело? Шел себе и иди дальше по своим черным делам. Мой конь. Что хочу, то и делаю, – заявил он.

Что-то в этом Талыме народ совсем страх потерял! Никто меня не боится.

– Я, может, его купить хочу. Или ты его привел так, показать и наказать прилюдно?

– Да забирай, – насмешливо заявил Гаррисон и сделал движение в сторону коня.

И тут я увидел то, что не заметил сразу.

К коню подходил пацан. Осторожно, бочком, вытянув вперед открытые ладони и что-то бормоча.

– Ты куда! – заорал владелец жеребца, поднимая руку с плетью. И я как наяву увидел, как пугается конь и сбивает глупого мальчишку своими мохнатыми копытищами, как брызжет алая кровь...

Рука перехватила предплечье с кнутом быстрее, чем я понял, что делаю. Второй рукой я прижал его за горло, спиной к себе.

– А ну тихо давай, – предупредил я. – Без глупостей. Если мой конюх с твоей тварюгой договорится, я его возьму.

И коня, и парня, пожалуй. Потому что жеребец, преступая копытами и фырча, всё же дал пацану себя коснуться. Тот что-то наговаривал в лошадиное ухо, и конь кивал, будто соглашался. Конечно, он просто был еще слишком возбужден, но смотрелось потешно. Мальчишка осторожно протянул коню руку с куском хлеба, и мужик дернулся в моих руках.

– Не бойся, не отравит, – уверил я. Хотя кто его знает? Я этого голодранца в первый раз в жизни вижу.

Жеребец бережно взял губами хлебушек и дал себя погладить по широкому лбу. Мальчишка на мгновение оглянулся ко мне и улыбнулся, словно солнышко сквозь тучи пробилось.

– Видел, как с животными нужно управляться? – освободил я владельца, не удержавшись от тычка. – Сколько ты за него хочешь?

– Семьсот энзоле, – заявил охамевший продавец.

– У тебя нешьесс в дядьках, что ли? – возмутился я, и жеребец негромко заржал за моей спиной, будто поддакивая. – Ему цена с таким характером триста от силы!

– Ангельский же характер у коня, – заявил мужик, наблюдая, как мальчишка ведет животное под уздцы, и резко дернул рукой в его сторону.

Жеребец заржал и встал на дыбы, перебирая в воздухе копытами. Пацан встал лицом к коню, спиной к нам, что-то бормоча и качая руками. Конь снова зафырчал, дергая головой.

– Ладно, четыреста, но только из уважения к гостям города, – сразу сблестнув с лица, повернулся ко мне хозяин коника.

– Триста пятьдесят.

– Триста девяносто, ни энзоле меньше.

– Триста семьдесят, или мы уходим, – я повернулся к пацану и сообразил, что даже не могу его окликнуть, потому что не знаю имени.

– Триста семьдесят пять. Последняя цена.

– По рукам!

Мы ударили раскрытыми ладонями, и я потянулся к кошелью. Не, зверюг-то хорош. Такого одного можно будет на повозку поставить. А кобылку продам по дороге.

Довольный пацан стоял, уткнувшись лицом в морду коня. Что-то говорил, а конь отвечал ему негромким ржанием. Чисто два приятеля.

– Пойдем, – я махнул парню рукой в обратную сторону, в направлении городских ворот. – А зовут-то коня как?

– Нешьесс! – злорадно заявил владелец, пряча кошель за пазуху.

Конь радостно заржал, признавая за собой кличку самой опасной нечисти.

М-да. А не поторопился ли я с приобретением?

– Дяденька, да хранит вас Защитница! – щебетал довольный мальчишка, довольно похлопывая по шее мохнатого жеребца. – Нешьесс – добрый конь для доброго хозяина.

– Где ты здесь доброго хозяина увидел? – буркнул я.

– Дяденька, вы же пожалеете сироту? Ну возьмите меня! Мне очень нужно в столицу!

– А с чего ты взял, что я собираюсь в столицу?

– А я ваш разговор слышал с бородатым приятелем, – чистосердечно признался мальчишка в том, за что его могли запросто прирезать в подворотне.

В общем, выбора он мне не оставил.

– Как себя покажешь. Может, в ближайшей деревушке тебе и брошу, – сурово предупредил я.

– Как же, дяденька, вы меня бросите? Вам что же, меня совсем не жалко? – шмыгнул он носом и обтерся рукавом.

Де-ре-евня!

Но он прав: не брошу. Теперь точно не брошу. До самой столицы с него глаз не спущу. Кто знает, сколько он услышал из нашего разговора и кому передаст наши слова?

Глава 5. Пиппа

Я вела в поводу красавца Нешьесса и благодарно почесывала ему холку. Он мало того что действительно добрый конь, просто с хозяином не повезло, так ещё и помог мне влезть в доверие к этому... дяденьке.

Конечно, в первый момент я испугалась. Мне приходилось слышать и читать о магах, проклятых на крови. Их боялись. Люди считают, что просто так не проклянут. Тем более, таким страшным способом. Сама по себе процедура не была жестокой. В отличие от черной магии для вызова нечисти, в которой маг приносил в жертву другого человека, это проклятие проводилось на *своей крови*. Тот, *кто* проклинал, на несколько лет лишался силы. А тот, *кого* проклинали, лишался силы навсегда. И он, его дети, и дети его детей. Хотя кто захочет связать себя узами брака с проклятым магом? Не просто же так его проклинали? Какой здравомыслящий маг просто так, добровольно лишится силы на несколько лет? Лишиться силы – это самый страшный кошмар для мага. Даже для такого неполноценного мажика, как я.

Так вот. Несмотря на то, что люди боялись проклятых на крови, на самом деле преступником был проклинаящий. Такие заклинания были уже больше века как запрещены. Поэтому живой проклятый маг – это огромная редкость. Это должно очень повезти, чтобы его встретить.

Или не повезти. Я пока не знаю. Просто гадкий Беннет был злом гарантированным и однозначным. А «дяденька» – новым и неопределенным. И может быть даже, что меньшим. Мэтр Миль говорил, что из двух зол нужно выбрать более перспективное.

К тому же, какой нормальный человек будет искать беглую наследницу рядом с проклятым магом? Беннетов сложно назвать нормальными, правда. Но даже они не настолько ударенные на голову. Я бы сама не догадалась искать меня там, где я сейчас нахожусь. Опять же, отличное прикрытие – этот маг. Кто будет обращать внимание на меня, когда рядом есть он?

А еще он был красивый. Я – разумная, здравомыслящая девушка, которая за время сиротского детства чего только не наслушалась и не насмотрелась про отношения между девушками и красивыми мужчинами. И некрасивыми мужчинами – тоже. Наставницы очень строго следили, чтобы нами не интересовались красавчики, потому что от них всё зло. Наверное, мамы не стало тоже из-за такого. Потому что сначала у нее появилась я, а потом у меня не стало ее. Разумеется, я появилась не просто так, а благодаря такому вот красавчику. Хорошо, что я появилась. Но если честно, мне иногда думалось, что лучше бы меня не было. А моя мама была жива.

К счастью для меня, в окружении мэтра красивых мужчин не было. Были только старые и страшные. Или гадкие и страшные, как Беннет. Я вообще в Талыме таких красавцев не встречала. Наверное, они все в столицу перебрались. Там больше глупых девушек и денег. Мужчинам что еще надо?

Я остановилась на этой мысли. Вот пусть им, столичным дурочкам, всё зло и достанется. Потому что, во-первых, я – умная. Во-вторых, я-то не девушка же. И не богатая. Же. Так что мною он точно не заинтересуется.

А мне никто не мешает на него смотреть в своё удовольствие. А смотреть на него было удовольствием. Да, в «дяденьке» не было магии. Но ощущалась сила. Уверенность в себе. Мощь. Когда он говорил, хотелось его слушаться. Даже мне. Хотя у меня с послушанием с детства было не очень. Сколько себя помню.

Шорька заерзал в подмышке. У него тоже с послушанием не складывалось. Тут мы были два нешьесса пара. Я прошептала сонное заклинание. Вообще существовало два варианта использовать магию. Если с запретной, – то даже три. Самое первое, чему учат одаренных недорослей, – произнести его. Формулы заклинаний составляли магические светила. Не пони-

маю, как им это удавалось. У меня с теоретической магией совсем отношения не складывались. Так вот, придумает такой архемаг заклинание, а все остальные зазубрят до посинения. Потому что каждый звук, каждое слово, каждый жест – всё сказывается на результате. В лучшем случае при ошибке не выйдет ничего. В худшем... Страшно вспомнить, что получалось у меня в самом начале, когда меня подобрал учитель. Мне казалось: чего там? Раз, два, бла-бла, рукой – фьють – и всё готово. Ага!

Потом, когда формулы вызубрены, появляется второй способ – на крови. Я сначала психовала и сильно ругалась на мэтра, когда дошла до этой стадии. Зачем все эти мучения с зубрежкой, если достаточно крохотной капельки крови, чтобы получился тот же результат? Но опытным путем я установила, что на крови можно сотворить только то волшебство, которое у тебя в крови в прямом смысле этого слова. То есть такое, которое стало частью тебя.

Вот и сейчас с Нешьессом (надо же было такое имечко-то дать?) я использовала два способа колдовства: произнесенное успокаивающее заклинание и подчиняющую кровь. У мага всегда есть заговоренная иголка, спрятанная так, чтобы незаметно уколоться при необходимости. А Шорька слишком долго был моим питомцем, потому на него заклинания ложились совсем легко, практически одним усилием мысли.

Я украдкой бросила взгляд на «дяденьку». Каково это: лишиться магии раз и навсегда? Как жить, зная, что она больше не вернется? За что его так? И кто?

– Чего притих? Замышляешь что-то? – усмехнувшись, повернул ко мне голову маг.

– Нет, дяденька! Как же я могу замышлять-то что-то? Чтобы замышлять, ум же нужен, дяденька. А у меня-то ум откуда? – я по-дурацки улыбнулась. – Я, дяденька, думаю: а продуктов вы достаточно купили? Ну лошадь-то у нас есть, – я поспешила объяснить. – Что же ее порожней вести?

– Ты меня своей мудростью житейской просто с ног сбиваешь, – ответил он.

– Я-то, дяденька, как же могу вас с ног сбить? Вы же вон какой сильный. И в доспехе. Не могу я вас сбить с ног. Никак. А вы лучше скажите: далеко нам идти?

– Ты же со мной собирался идти до самой столицы? – напомнил маг, который не маг.

– Так я не отказываюсь. Просто ехать-то удобнее до столицы, чем идти, – возразила я. – А кушать – без этого тоже нельзя. С вами, дяденька, сколько слуг едет?

– Слуг у меня ты один едешь, остальные воины. Что, не передумал еще? – он подмигнул черным глазом, и серый вихрь в глубине закрутился быстрее.

– Никак нет, дяденька. Очень мне нужно в столицу. Дядя Иона у меня там, – с честным видом наврала я. – Он меня куда-нибудь на работу пристроит. А много у вас воинов?

– Скоро сам узнаешь. Как будем на месте.

И до меня дошло, что мы снова у ворот. Я отвернулась к конской морде, чтобы меня не заметили. Предположение, что всё внимание привлечет к себе маг, оказалось верным. Он еще и поскандалил на выходе. Теперь про меня точно никто не вспомнит.

Только один вопрос мне не давал покоя:

– Дяденька, а вы что, не в столицу собираетесь?

– С чего ты вдруг взял?

– Потому что ворота, от которых начинается Столичный тракт, находятся с противоположной стороны.

– Да? – деланно удивился он. – Ну ничего, прогуляемся. Проверим, выдержишь ли ты долгую дорогу.

Так он это специально! И через ворота в сторону флаобской границы вышел, и скандал намеренно затеял, чтобы наверняка запомнили. Он сбивает со следа. Не знаю, кого. Не знаю, зачем. Хотя мне это тоже на руку. Поэтому я молча пошла следом.

Идти-то оказалось совсем недолго. До границы садов. Там, на лужайке у дороги, стояла повозка, горел костерок с котелком воды на рогатине, паслись лошади, которые бодро заржали, увидев Нешьесса. Вокруг костерка сидели люди. Пятеро.

– Дяденька, а вы скажите, вы их тоже, как меня, из жалости взяли, да? – не сдержалась я.

Глава 6. Дик

У меня от этих «из жалости взяли» даже челюсть отвалилась. Почти. Правда пацан тут же поправился:

– Я, дяденька, в хорошем смысле. Что душа у вас добрая, широкая. А то что сразу не скажешь, так это даже хорошо! – продолжил паренек, снова теряя границы. – Знаете, ведь добродушному человеку трудно жить на свете. Каждый пытается его использовать, надурить. А вас так просто не надурить!

И я задумался, был ли это комплимент или таки нет? Но войны мои и правда были очень... эпичны. Даже не знаю, кто из них по этой части перещеголял остальных.

Самым нормальным выглядел Ровняла. Ему было хорошо за пятьдесят, хотя морщины на его лице было сложно разглядеть под сетью шрамов. Тело тоже было ими покрыто на всех видимых местах. Скорее всего, под одеждой было то же самое. Он уже вышел из возраста найма, ему бы карманников гонять от лавок. Но телом он был крепок, глаза светились ясным умом, а речи были разумны и здравы. Собственно, ради этого я его и взял. Должен же в отряде быть хоть кто-то здравомыслящий?

Вторым по нормальности шел... Скорее всего, Пёс. Он выглядел старше меня лет на пять-семь. Под глазами наметились мешки, резкие морщины у рта смягчались короткой бородачкой с усами. Русые волосы были зачесаны назад, чтобы замаскировать намечающуюся лысину. В молодости он был однозначно хорош собой, и тело сохранило рельеф, но... Была в нем какая-то потасканность, что ли. Вероятно, Пёс периодически злоупотреблял. Вторым недостатком Пса была его привычка чуть чего лаяться. Даже если ему не отвечали. А ему отвечали. И если теперь к компании добавится пацан, хая будет до небес. Может, всё же не брать?

Я бросил взгляд на спутника. Он выглядел таким счастливым, предвкушающе разглядывая мой разношерстный отряд, что мне стало стыдно за свои сомнения. Если можешь сделать кого-то счастливым – сделай. Так меня когда-то учили. Очень давно.

Третьим шёл Пончик. Кого нормальный человек представляет, когда ему говорят «Пончик»? Кого-то такого круглого, лысого и улыбчивого, да? Так вот, угадали только с лысым. Голова Пончика, гиганта, на голову выше меня, была гладкой, как крынка молока. Но нижняя челюсть щедро поросла бородой по грудь. Волнистой, черной бородой-лопатой. Его брови были густы и сходились на переносице. Не срастались, а именно сходились. Фигура, словно грубо вытесанная из камня, огромный боевой топор, суровый взгляд... и разум пятилетнего ребенка. Может, семилетнего. Но грамота и счет оказались ему недоступны, как я понял из разговора. С другой стороны при его силице-то зачем уметь считать? Не уверен, что у кого-то хватит безрассудства проверить: правда не умеет или просто проверяет?

Оставшиеся двое представляли собой полные противоположности. Клык был из варваров. Его голый торс был разрисован замысловатыми татуировками. На шее висело ожерелье из клыков. Бедро оборачивала выделанная шкура. Ноги, правда, были прилично прикрыты штанами и сапогами с задранными носами особой варварской выделки. Длинные растрепанные волосы (по растрепанности сравнимые с волосами мальчишки) удерживались широкой повязкой-платком, завязанной на затылке на узел. Уши, ноздри и бровь были проколоты серьгами-колечками. Он был молодой, громкий и мощный. Варвар. Самый что ни на есть типичный. К своему вздорному характеру – а он даже со мной успел повздорить, пока я его нанимал, – он имел двуручник и руки, которые махали этим двуручником, как птица крыльями.

Последний член отряда был магом. Мага звали Гроза, и он был флаобцем. Затянут в черное длинное одеяние и покрывало, которое скрывало его лицо, оставляя зрителю только глаза, такие же светлые озера, как у парнишки, только еще и ледяные. Они были окруженные длинными черными ресницами, как у девицы. Но тело у него было однозначно мужским. Он был

высок, ниже Пончика, конечно, но выше остальных. Худошав и жилист, с широченными плечами. В отличие от остальных, он был вооружен луком. Флаобский лук – произведение искусства. Изящно вырезанный и расписной, он висел у Грозы через плечо. На поясе, который сполз флаобцу на одно бедро, висел короткий клинок. Сколько мне приходилось встречать флаобцев, они неплохо владели любым оружием: и мечом, и кинжалом, и луком. Однако снобизм и высокомерие напрочь отбивали желание брать себе такого воина в отряд. Но у меня выбора не было. Мне позарез был нужен маг. Любой. Флаобец тоже сойдет. А то, что за всё время он не сказал мне и пары слов, так у каждого свои недостатки.

Нешьесс (дал же хозяин имечко) заржал, приветствуя лошадиную компанию и обозначая заявку на лидерство. Ему ответили. Мой Верный – досадливо. Он был конем крепким, выносливым, надежным, но покладистым. Не ему спорить за первенство с такой мощной и упоротой тварью. Молодой жеребец Клыка с варварской кличкой Хойгу ответил задиристо, и пару раз стукнул копытом, предвкушая проказы. Мерин Ровнялы оторвал голову от травы, не прекращая жевать, зафиксировал новый расклад и вернулся к завтраку. Вороной конь Грозы – кто бы мог догадаться? – явление новичка проигнорировал, лишь злобно покосившись в нашу сторону. Он тут сам по себе и выше коняцких разборок. Гнедая кобыла Пса всхрапнула, выражая умеренный интерес. Серая в яблоках лошадка, доставшаяся мне в нагрузку к телеге, игриво заржала и дернула хвостом. Нешьесс, красуясь, подскочил свечкой и громогласным ржанием поинтересовался: «Я ль не хорош?»

Ох, ждет нас лошадиный роман, чувствует моя душа, с любовным треугольником и интригами соперников.

Притязания жеребца не прошли незамеченными.

Суетливый Клык, который подсовывал дровишки под котелок, подскочил и обтер ладони о бёдра, незамутненная правилами гигиены душа.

– О, командыр прышол! – обрадовался он и поспешил навстречу. – Добрый кон! – радостно ощерился варвар.

Пацан покосил глазом в мою сторону, типа: «А я что говорил?»

– А это кто? – задал разумный вопрос Ровняла, оправдывая свою миссию в отряде.

– Мальчик, – уведомил я.

– А зачем он тут? – продолжил Ровняла.

– Шел довеском к коню.

– Хороший конь, – пробасил Пончик, расплываясь в улыбке. Интересно, ему кто-нибудь говорил, что в присутствии людей ему лучше не улыбаться? Особенно, если уборная далеко. – Мой? – он стал подниматься с земли.

– Дяденька, – обратился к нему пацан, потрясенно глядя на великана, – а вы когда-нибудь кончитесь?

Улыбка Пончика потухла:

– Кончусь? – уточнил он.

– Ну, в высоту, – парнишка вытянул руку вверх и встал на цыпочки, показывая, куда именно.

– Пончик большой! – гигант польщенно улыбнулся.

– Это Пончик, – представил я его новому члену отряда. – Это – Клык, – я назвал прозвище варвара, который подошел к нам, но вместо того, чтобы пожать протянутую руку парня, решил погладить коня. Нешьесс оскалился, и Клык едва успел отдернуть ладонь. Пока целую.

– Это – Ровняла. – Мужчина испытующее разглядывал парня, склонив голову на бок.

– Оччприятно, – кивнул пацан. И еще. Пару раз.

– Это – Пёс.

Наёмник развалился на одеяле, наброшенном поверх сундуков. Когда я назвал его прозвище, Пёс соизволил открыть глаза и поднять голову.

– Хорошенький, – заметил он в адрес мальчишки.

– Здрассьте, – парень снова несколько раз поклонился одной головой, не отводя взгляда от собеседника.

– Это – Гроза. Он – флабец, – представил я последнего участника команды. Гроза сидел, уткнувшись в книгу.

– Настоящий?! – с восторгом, будто десять энзоле на земле нашел, спросил у меня парень. У Грозы, понятно, спрашивать было бесполезно.

– Самый что ни на есть настоящий! – похвастался я.

– А он по-нашему понимает?

– Молодой человек, вам не кажется, что неприлично говорить о человеке в его присутствии в третьем лице? – хриловатым, тягучим голосом поинтересовался маг, не отрывая взгляда от книги.

– Он даже разговаривает?! – пискнул в экстазе пацан.

Гроза медленно поднял на мальчишку взгляд, и я сделал несколько шагов вперед, чтобы в случае чего прикрыть.

– А тебя-то как зовут, наблюдательный ты наш? – поинтересовался флабец. И хотя лицо его было скрыто под повязкой, чуть прищуренные глаза выдавали, что он улыбается.

Чу-де-са! Чудеса, да и только.

– Пип... – бодро начал пацан, но замялся и уже тише добавил: – ка.

Пёс заржал и даже сел, держась за живот. Клык поддержал его хохот.

– Пипка! – повторил Пёс сквозь смех. – Га-га-га! Пип-га-га-ка! Что, пацан, с размерами не повезло?

– Не может же в человеке всё быть идеальным? – парнишка легкомысленно пожал плечами, и Пёс заржал еще громче.

– Ну раз теперь все в сборе, пора и в дорогу! – уведомил я.

– А как же поест? – ощерил желтоватые зубы Клык и кивнул в сторону костерка.

Вода в котелке булькала, варвар вынул из седельной сумки полотняной мешочек, запустил туда руку и бросил в кипяток щепоть сушеной травы. Грязными руками. Ладно, в походе грязи нет, и от кипячёного заразу не подхватишь.

– Дяденьки, а у меня и пироги есть, – радостно сообщил парень, закапываясь в вещевой мешок.

Пироги, к слову, обернутые в чистые тряпицы, были румяными, свежими и такими аппетитными, что даже у меня появилось желание присоединиться к трапезе.

– Ты же плакался, что умираешь буквально, сиротинушка, – не удержался я.

– Так и есть, дяденька, – согласился Пипка (дали же добрые люди имечко), кивая головой, – это мне напоследок тетка Магда в дорогу украдкой от хозяйки положила. Она моему тятеньке покойному двоюродной золовкой приходилась, вот и пожалела горемычного.

– И не жалко делиться? – полюбопытствовал Ровняла.

– Так, дяденька, – повернулся к нему мальчишка, – знаете, как говорят: Защитница всем дает поровну. Сегодня поделишься ты, завтра – с тобой. Так что вы, дяденька Ровняла, угощайтесь. Пироги нужно есть, пока свежие. А когда несвежие – не нужно.

И все эти глупости Пипка говорил с таким серьезным видом, будто делился семейными секретами. Поневоле губы растягивались в улыбку.

Воины полезли в мешки за кружками, собираясь к повозке, где прямо на сундуках разложились пироги. Ровняла быстрыми движениями нарезал их поровну на каждого, причем как я ни пытался обнаружить кусок побольше, все были как по линейке.

Я тоже отошел к Верному за чашкой. Следом за мной потянулся Ровняла.

– Дикий, ты хорошо подумал с этим Пипкой? – спросил он негромко.

– А что? Пацан как пацан. Ему в столицу нужно. Он с животными хорошо ладит. В дороге на черной работе будет.

– Как бы нам бед не пришлось хлебнуть, – серьезно заявил воин.

– Да что с ним не так-то?

Ровняла внимательно поглядел на меня, чуть наклонив голову в бок.

– С ним? С ним ничего. Не с ним, а из-за него.

Я глубоко вздохнул:

– Ты видел наш отряд? Из-за любого, любого – разве что кроме тебя – у нас могут возникнуть проблемы. Гораздо серьезнее, чем из-за этого пацана. Язык у него без костей, конечно. Но, как говорят: кому язык могилу роет, а кого и у смерти отспорит. Никогда заранее не знаешь, как что обернется.

Как-то же он Грозу разговорил?

– Хозяин – барин. Я предупредил, – кивнул Ровняла и неспешно, как всё, что он делал, направился назад, к повозке.

Оставив у меня на душе какое-то неясно предчувствие. Настолько неясное, что я даже не мог сказать, к добру оно или к худу. Просто предчувствие чего-то важного.

Глава 7. Пиппа

Отряд у Дикого, конечно... веселый. С таким не соскучишься. Если мы доедем до столицы в полном составе, это будет победа гуманизма над жизненным опытом. С другой стороны, ну кто ещё пойдет в команду к проклятому магу? Только такие, как я. Кому больше терять нечего. И надеяться не на кого.

Я попыталась прикинуть, кто из них может меня защитить при необходимости. К кому прибиться под крылышко? Пончик отпадает. Такой крылышком шевельнет невзначай, а ты себя от камней потом отковыривай. Пёс меня сразу невзлюбил. Отпадает. Точнее, нападает. Варвары известны своей несдержанностью. Флаобцы – холодностью. Ровняля производит впечатление слишком пронизательного. От него наоборот нужно держаться подальше. Проклятый маг, как ни смешно, выходит самой безопасной фигурой. К тому же он тут главный.

А еще с ним... спокойно. Почему-то он вызывал ощущение... как будто мы с ним очень давно знакомы. Хорошо знакомы. Только долго не виделись и вдруг встретились случайно. То есть и вроде приятель, а вроде – кто его знает, что у него за это время произошло, как он изменился? Как себя с ним вести? Подойти, не подойти? О чём говорить? Как себя держать? Такое странное чувство. И непонятно, что с этим делать.

Может, мне его просто жаль? Он ведь правда неплохой, кажется. За что его так? Может, я чувствую в нём родственную, несправедливо обиженную душу?

Клык заварил в котле живичник и красножил. Живичник бодрил, придавал силы, что после бессонной ночи было кстати, а красножил добавил пряности. Я отхлебнула и потянулась за пирогом. Мужчины разошлись к своим котомкам. Только Гроза продолжал сидеть под деревом и делать вид, что читает. Хотя на самом деле он не читал, он о чём-то думал. Его глаза не скользили по строкам, а уперлись в одну точку. Интересно, какой он там, под своим покрывалом? Уродливый или наоборот? Хотя какая мне разница? Я же парень. А парни на других парней не пялятся. Я перевела взгляд на пирог. С другой стороны, флаобцы – это же экзотика. Нормально, что необразованный мальчишка на него таращится, ведь правда? И опять я повернула голову в его сторону.

– Он ны с кэм ны говорит, – поделился обидой Клык. – Думаит, особенный.

– Ну он особенный, – подтвердила я. Варвар уже намерился спорить, но я его успокоила: – Вы, дяденька Клык, тоже особенный. Вот отвар вкусный делаете из трав. А он, может, в травах и не разбирается совсем.

Клык польщенно заулыбался, открывая кривые клыки. Его голый торс, разрисованный татуировками, с капельками пота на груди, немного нервировал. Я видела мужчин без рубашки, когда помогала тетушке Магде. Но это были больные мужчины. А этот был здоровый. Очень. Под прожаренной солнцем кожей проступали бугры мышц. Ещё, теперь, когда он подошел ближе, стало заметно, что от него исходит резкий запах. Какой-то специфический.

– Фу, вонючка! – озвучил мои мысли вслух Пёс и, забрав свой кусок пирога с зеленью, отошел против ветра.

Клык хлебнул из глиняной кружки, поставил её на сундук, затолкал в рот остаток куска и, вынимая из ножен меч, двинулся в сторону Пса.

– Эй, эй, ты чего?! – вытянув перед собой кованую чашку с чаем и пирог, Пёс стал отступать.

– Эслы ты джыгыт, ответ за свой гадкий слова! – Клык замахнулся.

– Стоп! – влез между ними Дикий, который по сравнению с другими казался вполне культурным. Он повернулся лицом к Клыку, и замахал крест накрест руками. – Всё, всё, всё! Давайте на этом остановимся. – Клык нехотя опустил оружие. – Пёс, прекращай провоциро-

вать. Клык, мы встанем на ночевку у реки, – Пёс громко хмыкнул, и варвар обернулся. – И вы вдвоем, без оружия, искупаете коней. Охладитесь слегка, – буркнул он.

Клык, бормоча себе под нос какие-то незнакомые, но, видимо, неприличные слова, поплелся назад, к повозке. Однако взяв кружку и рыбный пирог, отошел к костру и деловито разворошил угли.

Ровняла подошел молча, бросил на меня неприязненный взгляд и тоже отошел. Я наклонилась к подмышке. Вроде, с ног не сбивает ароматом. Дикий встал к «столу» у меня за спиной, и мне стало... тревожно. Я развернулась боком, чтобы держать его в поле зрения.

– Все взяли? – сурово спросил Пончик.

Учитывая, что Гроза коллективную трапезу игнорировал, оставались три куска, по одному от каждого пирога. Пончик намекал. Впрочем, в его исполнении это звучало как угроза.

– Джыгыт ны ест сладкий, – задрал нос, уведомил Клык и сделал жест рукой. Типа, вы, которые не «джыгыт», можете делать с ним, что хотите.

– Дяденька Клык, а я очень люблю с ягодой пироги. Можно, я ваш съем? А вы – мой, с рыбой.

– Раз ты лу-убишь... – сделал мне одолжение Клык и быстренько сгонял за привалившим счастьем.

– Теперь все взяли? – настойчиво повторил громила.

Съестное на тряпицах быстро поредело. Пончик тоскливо проводил взглядом мой второй кусок пирога с ягодами, и я поняла, что он мне просто в рот не полезет. Встанет где-то поперек горла. Я вернула его обратно.

– Ты ешь, не бойся, – вмешался командир, заметив мое движение.

– Я не боюсь, – возразила я.

– Пончик не страшный, – тоном «понял, дурачок?», «перевел» командиру великан, и откусил сразу половину того самого куска, который я вернула. Видимо, чтобы не передумала.

Дальнейшая трапеза проходила в мире и тишине. У Пончика выступать гарантом мира получалось лучше, чем у Дикого.

Завершив перекус, все стали собираться. Дикий бросал короткие команды, распределяя силы. Хотя куда там силы нужны были? Из груза была одна подвода, та самая, на который мы завтракали.

– Пип... – начал он, собираясь и меня припахать к общественно-полезной деятельности. – У тебя имя-то есть?

– Есть, – я кивнула.

Он молчал. Я тоже.

– И как тебя зовут?

– Филипп.

– Будешь «Филькой».

– Буду.

– Я тебя не спрашивал.

– Я и не спорю.

– Да умеешь просто молчать?! – взвился Дикий. Дикий он какой-то.

– Умею.

– А почему тогда не молчишь?

Я пожала плечами:

– Не могу?

Командир в сердцах махнул рукой. А что я такого сделала-то?

– Филька поедет на Яблочной, – постановил он, указав рукой на серенькую кобылку. – Можешь без седла?

– Могу, – быстро согласилась я. – Но не умею, – призналась я тише. – Дяденька Дикий, а можно я на подводе поеду? Я хорошо лошадьми правлю.

– Повозку поведет Пончик. Его всё равно ни один конь не поднимет.

– Нешь – хороший конь, – недобро возразил великан, который явно примерялся к тяжеловозу.

– А повозку кто тогда потащит, если ты на Нешьессе верхом поедешь?! – снова взвился Дикий.

Пончик перевел взгляд на кобылку, кобылка попыталась повалиться набок, но тут её ткнул мордой Нешьесс, и она передумала.

Не знаю, произвело на гиганта впечатление это представление, или он сам дошел до мысли, что она не потянет, но Пончик пошел запрягать жеребца в повозку.

– Дяденька, – нагнала я мага, – дяденька Дикий, можно я сегодня на подводе поеду? Я завтра верхом поеду. Только я сегодня почти всю ночь от поместья хозяина почившего до самого утра по лесу шел. Можно, я посплю немного? – Я оббежала его и теперь шла спиной вперед, жалобно глядя ему в глаза. – Можно?

– Ладно, – буркнул он, сдаваясь. – Делай, что хочешь, – он снова махнул рукой.

М-да. С одной стороны, хорошо, что мне разрешили поспать. С другой – непросто будет в таком отряде с таким руководством.

Я вернулась к подводе, чтобы уложить туда свой мешок и присмотреться, как устроится. Гроза деловито переливал остатки отвара из котелка во фляжку. Потом поднес к носу.

– Красножила многовато, – будто самому себе, в полголоса заметил флабец.

Ну понятно. Особенный тут только один.

М-да.

Глава 8. Пиппа

Несмотря на отвар живичника, неровную дорогу и переругивания между воинами, я уснула довольно быстро. Сначала, правда, поворачивалась на сундуках, острые углы которых впивались в бок даже через войлочное одеяло, которое мне подложил Пончик. Интересно, что там такое, что ради них наняли отдельный отряд? Почему нельзя было пойти с караваном, в котором народу больше и охрана надежнее? Хотя кто захочет пойти в караване с проклятым магом? Вот эта его особенность всё портила. Причем не фигурально, а буквально. Совсем всё.

За этими печальными мыслями я и уснула. Шорька, набегавшийся ночью по лесу и догнавший утром у Магды, только чуть шевельнулся, когда я переместила его из подмышки на грудь, чтобы нечаянно не придавить.

Проснувшись я от голоса Дикого и то не сразу.

– Филька, ну ты и горазд спать, – он дернул меня за плечо.

Я подскочила и чуть не швырнула спросонья в него дежурное охранное заклинание. Во всяком случае, уколоть палец я успела. Не задумываясь. Вот что значит привычка! Осторожнее нужно быть с привычками. Так и выдать себя с головой недолго.

Себя-то я сдержала, а Шорьку поймать уже никто не мог. Почувствовав мой страх, смелый зверек выскочил из-за пазухи и сиганул наутёк в сторону ближайшего дерева. Я впервые увидела знаменитую реакцию флаобцев. Только что лук висел у него на плече, и в следующее мгновение Гроза уже метится.

– Не стреляйте! – заорала я, попыталась спрыгнуть с подводы, но запуталась в одеяле, неуклюже перемахнула через борт и рухнула прямо лицом вниз, чем вызвала дружный смех. Ещё бы поаплодировали, уроды! Короче, я бухнулась кулём на землю и конкретно ушибла руку, на которую приняла удар.

Когда я подняла голову, Гроза держал лук на взводе и смотрел на меня, будто ожидая команды.

– Не стреляйте, пожалуйста, – я шмыгнула носом, потому что слёзы от боли подобрались к глазам. – Он ручной!

– Кто это был? – сурово спросил Дикий.

– Шорёк! Вы не думайте, он ничего воровать не будет, – я скрестила за спиной пальцы левой, почти не пострадавшей руки. – Он же безобидный совсем! Питается букашками разными, – командир отряда уставился на меня своими черными омутами, в которых гуляли шальные водовороты, и отступила назад. – Ну может гнездо чьё-нибудь разорить, – призналась я и отступила еще. – Или жабу придавить. На худой конец – змейку, – произнесла уже совсем тихо, упираясь спиной с борт повозки. – Так что он совсем не вредный. Даже полезный!

– Это что, пацан с собой крысу притащил?! – подал голос Пёс.

– Шорька – не крыса! – возразила я, растирая руку.

Шорёк подтвердит мои слова свистом и щёлканьем, на всякий случай прячась в листе. Хотя, боюсь, от стрелы Грозы крона дерева его бы не спасла.

– Я смотрю, от пацана одна польза, – негромко произнёс Ровняла, обтачивая палочку широким ножом. – Весь день проспал, и теперь всю дорогу корми и его самого, и его крысу. И вези бесплатно.

Я уже набрала воздуха, чтобы поспорить, но поняла, что старый вояка этого и добивается. Не добьётся!

– А давайте я за дровами схожу! – предложила я, поскольку всё равно настало время уединиться. – Я отработаю!

– Пойдешь коней купать с Клыком и Псом, – к моему ужасу заявил Дикий.

Я заметила на берегу лежащие кучкой штаны и сапоги варвара. Сам он уже плескался с лошадьми в реке, иногда показывая из воды белые по сравнению с загорелой спиной ягодицы. Ой-ой! Я быстро отвернулась к магу.

– Я только за, – гаденько ощерился Пёс. – Пойдем, пацан, похвастаешься своей... – он гнусно заржал, – пипкой!

– Что-то ты слишком чужими пипками интересуешься, – продолжая строгать, так же негромко заметил Ровняла. – Свою присунуть некуда?

– А что? – с вызовом заявил Пёс, складывая руки на груди.

– Так, ничего такого. Кроме того, что это мальчик, – продолжил, будто сам с собою, воин.

– Так. Все заткнулись! – повысил голос Дикий. – Пёс, чего ждешь? Марш в воду. Нешьесса прихвати.

– Неша я сам, – показался из-за повозки Пончик и стал стягивать с плеч жилетку размером как то одеяло, на котором я спала.

– Вот это дело доброе, – покивал Ровняла. – Пёс у нас пипками интересуется. Покажи ему. Бедолага, видать, забыл уже, как она выглядит.

– Что? – переспросил ничего не понявший Пончик.

– Ты!.. – в тот же момент Пёс потянулся за мечом и шагнул в сторону.

– Оружие! – Дикий ткнул пальцем на землю возле вещей варвара.

– Можно, я за дровами? – мне стало не по себе от мысли, что придется смотреть на голых мужчин.

– Иди уже! – рявкнул командир. – Пёс, оружие, вещи здесь, Пончик, проследи, чтобы...

Он еще что-то говорил, а я уже мчалась от полянки подальше, сжимая ладонями пылающие щеки. И это только первый день! Даже не день, практически. День я спала. Наверное, тетушка Магда была права по поводу моей идеи. Какой ужас!

Забежав достаточно далеко, чтобы меня невозможно было разглядеть за стволами, я влезла в кусты и присела. Над головой застрекотал Шорька. Я задрала голову:

– Трусливый предатель, – заявила я ему.

Довольный зверек рыжей молнией мелькал среди веток, радуясь свободе. Как на него ругаться? Он же не специально. Он просто животное.

Пёс – тоже животное. Но он намеренно.

Я поднялась, затянула вязки на штанах, проверила корсет. Итак, на ближайшее время у меня какие задачи? Самая главная – найти что-то такое в лесу, что может меня продержать, пока голые мужчины находятся в воде. И, что еще важнее, – из неё выходят.

Шорька рассвистелся не на шутку. Я пошла на свист и обнаружила его в кусте, покрытом спелой чернилкой. Попробовала несколько ягод. Отличная идея! Набрав горсть, подобрав немного сушняка, я пошла к лагерю.

Ровняла возился с ветками, пытаясь развести огонь. Гроза устроился под очередным деревом со знакомой книгой. Три человеческие головы и семь лошадиных морд торчали над водой. С другой стороны полянки, также сжимая охапку веток, спешил Дикий.

– Гроза, разожги огонь, – велел он, свалив свою кучу дров на землю.

Флабец на секунду оторвался от манускрипта, сделал жест рукой, произнес короткую фразу, и куча у ног командира запылала.

– Да не её! – возмутился Дикий. – А, в прочем, какая разница? – махнул он рукой и дотолкал горящие ветки к будущему костровищу.

Я свалила свою добычу неподалеку от огня.

– Негусто, – недовольно заметил он.

– А я зато чернилку нашёл, – я открыла ладонь, показывая фиолетовую от ягодного сока ладонь с помятыми ягодами. – Точнее, не я, это Шорька, – уточнила я, тыкая пальцем вверх

и надеясь, что это поможет зверьку завоевать расположение командира. – Дяденька Дикий, можно я схожу наберу на компот?

– Иди, иди! – согласился он, помахав рукой в сторону леса тоном «оставьте меня в покое».

Я взяла свою котомку и пошла.

Глава 9. Дик

– Я же говорил, от мальчишки будут одни неприятности, – недовольно высказывал мне Ровняла.

Будто не я тут главный, а у него в подмастерьях. Все, все в этом Талыме потеряли страх. А если я его сейчас в жертву принесу особо злодейским способом? Конечно, не принесу, потому что магии во мне – иссохший колодец, но навыки-то могли остаться!

– Пока у нас неприятности в основном от Пса, – возразил я. – А про его кандидатуру я никаких возражений не слышал.

– У Пса с зубами-то всё в порядке. А этот – щенок же. Ты руки его видел?

– А что у него не так с руками? По пять пальцев на каждой.

– Кисти тонкие, слабые. Не бывает таких у дворовых пацанов, – невозмутимо раздвигая дровины под котелком, пояснил воин.

– Ты на что намекаешь?

– На то, что пацан, возможно, не из простых. Небось поссорился с родителями и сбежал. Или просто приключений захотел. А потом его найдут, а из тебя злодея-насильника нарисуют.

– Ой, пусть хоть кого рисуют, – скривился я. – Хуже чем есть, всё равно не будет.

Но задумался. Безусловно, в словах Ровнялы был здравый смысл. С одной стороны, фла-обская кровь может сыграть свою роль, у того же Грозы ладонь была хоть широкая и крепкая, не в пример, конечно, ручкам Фильки, но пальцы у него были длинные и тонкие. И плечи у Грозы были мощные, внушительные. А пацан ещё совсем не сформировался. Но и возраст у него еще не вышел. Кожа на лице совсем нежная.

С другой стороны, если Пипка – дворянский сыночек, это проблема. Не в том смысле, что его побег может отразиться на моей репутации. Где её искать, мою репутацию, чтобы в ней что-то отразить? Проблема в том, что дорога нам предстояла действительно непростая. И дело даже не в расплотившейся под столицей нечисти. Хотя и в ней тоже. Опасность представляла не только сама нечисть, но и те, кто за ней стоял. А я был уверен, что кто-то стоит. И этот кто-то готов дорого заплатить за мой груз. Жизни наемников будут минимальной ставкой. Я понимал, на что иду. Воины понимали, чем рискуют. А вот мальчишка, который прибил к нашему отряду, даже не догадывался. Если это всего лишь сирота – никто не обратит на него внимания. А смерть юного аристократа мне не простят.

Я-то могу и выжить.

– А может, кстати, вор, – продолжил свои размышлять вслух Ровняла. – Ты заметил, что он с вещами свалил. Пошел бы проверил, у тебя ничего не пропало?

Я чуть было не подорвался, но вовремя взял себя в руки. Ровняла – мужик разумный. Но я его всего сутки знаю. Как узнать, где у человека самое ценное лежит? Подпалить дом и посмотреть, куда он побежит в первую очередь. Доверять Ровняле у меня было ничуть не больше оснований, чем Пипке.

– Может, наоборот, он боится, что у него украдут что-то ценное? – предположил я.

Груз проверить нужно. Необходимо. Но не сейчас. Если Ровняла угадал, пацан по лесу от нас всё равно никуда не сбежит. У нас-то маг есть.

– Что ему прятать?

– Если ты прав, и он – дворянский отпрыск, то из дома всё что угодно мог утащить. Если не прав, и он действительно сирота, то для него даже поношенная рубашка – целое состояние. Да и мало ли, что для мальчишки-бедняка может представлять ценность? А тот же Пёс на смех поднимет.

А если он сбежал, поняв, что ошибся с компанией, то что ж... Опасно, конечно, под вечер одному. Но свой опыт в чужую голову не вложишь.

Да ерунда это всё! Вернётся он. Обязан вернуться.

Под лошадиное и мужское ржание вернулась компания с реки. Судя по тому, как потянулись к огню посиневшие руки, речка была прохладная. А солнышко клонилось к закату. Хорошо, что я пацана туда не отправил. А если бы он горячку подхватил?

– А мальчишка где? – первым делом спросил Пёс. Дался ему мальчишка...

– До ветру пошел, – отрезал я, и сдерживаемое беспокойство всё же прорвалось наружу. Сколько можно? Я поднялся и повернулся в ту сторону, где скрылся пацан: – Фи-илька! Филька! Ты там заблудился, что ли!

– Это его Пончик так напугал, что он никак из кустов вылезти не может! – прокомментировал Пёс.

– Я не страшный, – возразил великан. – Филька! – гаркнул он так, что даже я чуть под кустик не заспешил. А уж птицы и звери в окрестностях точно облегчились и рванули во все стороны.

– Что вы так орёте-то! – раздался ответный вопль из леса и вскоре среди деревьев показался улыбающийся Филька. На душе сразу стало спокойнее. – Ну у тебя, Пончик, и голосина. Я чуть не оглох. Ты на пожарной каланче колоколом не подрабатывал?

– Нет, – серьезно ответил Пончик.

– Зря. Такой талантище пропадает! А я грибов набрал, лешиков, – радостно сообщил Филька. В руках он нес ягоды: кружку с горкой и полную миску.

– Мелковаты твои лешики, – хохотнул Ровняла. – И черноваты.

– Не, грибы я в мешок сложил, – спокойно возразил Пипка, сунул кружку в руки Клыку, тарелку – Пончику, Псу он, видимо, доверял меньше, и скинул с плеча котомку. – Во!

И стал выкладывать на траву возле костра крепеньких, белых «лешиков».

– Их запечь можно. Или добавить куда, – поделился тайными знаниями пацан.

– Так давай готовь! – распорядился я.

Облегчение от возвращения мальчишки рассеялось, а возмущение его долгим отсутствием, наоборот, настоялось.

– А вы так и сидели, ждали, пока я вернусь? – уточнил Пипка с потрясённым видом.

– Ты же у нас вызвался слугой. Служи! Воины голодные. Ждут, пока ты накормишь.

– У вас яйца есть? – озадачил меня вопросом мальчишка.

Пёс с Клыком переглянулись и нахохлились от такой претензии. Пончик поглядел на одного, другого, последовал их примеру и тоже нахмурил брови. Ровняла поднял взгляд на меня, дескать: «У нас есть яйца?» И только Гроза заржал. В прямом смысле этого слова. Я и не подозревал, что флаобцы умеют так смеяться. Мне даже флаобец, и тот ненормальный достался!

– Ты про какие? – уточнил я.

– А какие есть? Я омлет из любых умею! – гордо ответил Пипка, и тут заржали все.

– Что вы смеётесь? – обиделся мальчишка. – Я правда умею.

– Кашу вари, умелец!

Я влепил ему леща, и он зашипел, как змеёныш. Потер место удара и покладисто согласился:

– Хорошо, – и столь же покладисто добавил: – А как?

– Что? – переспросил я.

– Как ее варить?

– Ты что, готовить не умеешь?!

– Умею.

– Тогда готовь!

– Яйца дайте!

– То есть кроме омлета ты ничего не можешь? – насупился я.

– Почему сразу «ничего не можешь»?! – возмутился Пипка. – Могу. Просто съедобного ничего...

Утерев слезы от смеха, поднялся Клык.

– Джыгыт готовит еды! – с укоризной заявил он Пипке, тыкая пальцем. Но прорвавшийся смешок испортил картину. – Тыбэ учыца нада!

– Я, дяденька Клык, всегда готов учиться! – отрапортовал Пипка. – Только у меня не всегда получается, – честно признался он. – Зато я грибы резать умею!

По возрасту Клык был на втором месте снизу. Младше него был только Филька. Так что, как бы варвар не дул сейчас щеки, а у себя на родине в походах наверняка готовил он. Там распределение грязной работы шло как раз по младшинству. Поэтому я спокойно вручил судьбу ужина в его опытные руки и пошел проверять своё богатство.

Сфера была на месте.

Глава 10. Дик

Я устроился на повозке. Её подогнали под дым костра, чтобы не одолевал гнус. Лежал на боку, грыз травинку (есть-то и вправду пора) и наблюдал за своим воинством.

Гроза сидел под деревом, видимо, привычка у него такая, и пилился в крону. Из ветвей ему насвистывал зверёк Пипки. Флаобец молчал. Зверек продолжал возмущенно свистеть. Его, видимо, тоже доставала эта привычка мага. Иногда зверек посвистывал в сторону хозяина, но пока возле костра орудовали ножами, держался от него подальше.

Ровняла сидел у огня и занимался оружием: чистил, правил лезвие. Завершив возню с мечом, он занялся кинжалом, а после перешел к метательным ножам. Ему было явно нескучно с таким-то арсеналом.

Пончик крутился возле Неша, наглаживая и что-то бормоча на ухо. Жеребец пофыркивал, но принимал внимание благосклонно. Животное неглупое, понимало, на кого можно копытом замахиваться, а на кого не стоит. Топором своим великан на стоянке не занимался. Возможно, наточил на ярмарке. С другой стороны, ему с его силищей острота оружия и не столь важна. Не зарубит, так забьёт. По колено в землю.

Пёс крутился возле котла, выдавая ценные указания и критические замечания, и норовил попробовать варево. Клык стоял на страже еды, отмахиваясь половником. Пацан был непривычно тих и послушен, внимал варвару с почтением и всё выполнял. Иногда с точностью до наоборот, и тогда получал от Клыка отборные варварские ругательства. Судя по тому, что Филька просил повторить и помедленнее, оплошности были осознанными, и пацан просто пользовался возможностью обогатить словарный запас.

В целом, всё было довольно мирно. Я ожидал худшего.

– Тэпэр нужно положыт спэцый! – с важным видом заявил Клык. Его от роли наставника прямо распирало. Видимо, он впервые выступал в таком амплуа.

Варвар вынул из своего скарба мешочек и потянулся к котелку.

– Эй, ты! – влез в кулинарный процесс Пёс. – Отравить нас хочешь?!

– Еды должны быт вкусный! – возмутился Клык, прижимая к себе мешочек как драгоценность. – Ваши еды прэсный!

– Отравить он не отравит, – пояснил, не отрываясь от заточки ножей, Ровняла. – Но пахнуть мы станем так же, как он.

Варвар с горячностью провел рукой вдоль голого торса:

– Зато гнус не кусает! – заявил он.

– Ну уж нет, меня пусть лучше гнус жрет! – заявил Пёс и нахмурился.

– А я трав могу принести! – оживился пацан.

Я-то всё ждал, когда у него будет очередной выход на сцену.

– Травы-то зачем нужны? – поинтересовался я.

– Дяденька Дикий, так они для чего только не нужны! – сев на любимого конька, начал Пипка. Я аж залюбовался. – И для еды, и для вкуса, и для лечения, и чтобы отравить. Я вам любых могу принести! – радостно закончил мальчишка.

– Вот, Пёс, кого бояться надо. Понял? – ухмыльнулся Ровняла.

– Тут недалеко, я быстро управлюсь, – подскочил Филька. – Я только те, которые для вкуса! – горячо пообещал он.

– А я компанию составлю. Чтобы ты опять не заблудился, – заявил медовым голосом Пёс и потянул лапу к пацану. Точнее, к его заднице.

Свист стрелы, которая вонзилась возле самого носа Пёсего сапога, раздался раньше, чем я успел рот открыть. Наёмник мгновенно одернул руку. Пацан с отвисшей челюстью медленно

развернулся в Грозе. Тот сидел под деревцем, пялясь на ветки, будто ничего не было. Только рука его всё ещё сжимала лежащий на земле лук.

– Ты это чего? – насупился Пёс. Но так, без вызова. Остороженько.

– Филька, вали за своими травами, одна нога там, другая здесь, – распорядился я. Настало время расставить акценты по местам.

Я дождался, когда жилетка пацана невнятного цвета скроется за деревьями, и сел.

– Пёс, мы все разные, за пределами похода ты можешь заигрывать с кем угодно, я в чужие постели не заглядываю. Но Фильку оставь в покое. Понятно объясняю?

– А то что? – охамел он, но в следующее мгновение вторая стрела воткнулась у другого его сапога. – А что, вам можно, мне нельзя? – прищурился Пёс.

– Никому нельзя, – как можно спокойнее сказал я. – У нас отряд, а не бордель. И все здесь – боевые товарищи. Товарищу спину нужно прикрывать, а не на задницу засматриваться.

Наёмник недовольно присел на своё место у костра. И тут, словно поджидал, из леса появился мальчишка с пучком травы.

– А вдруг он и правда нас отравит? – напрягся Пёс.

– Тебя бы стоило, но я проверю, чтобы ничего такого он не подбросил, – как обычно невозмутимоотреагировал Ровняла.

Так. У нас тут целых два знатока ядовитых трав. Из тех, кто признался. Поход обещает быть веселым.

Пучок подвергся тщательному осмотру, обнюхиванию, обкусыванию и обсуждению знатоками у котла. Я тоже пересел поближе. Сразу после Пончика. Он отцепился от Неша, подошел к костру со своим тазиком под еду и сел на краешек бревна у костровища. Другой конец, на котором сидели Ровняла и Филька, поднялся, и пацан чуть не упал, смешно замахав руками. Пришлось спасать. Я сел рядом, вдвоем мы уравнили гиганта.

– Откуда ты знаешь травы? – спросил я у мальчишки.

– Так тетка Берта, сестра брата моего дядьки по мамашиней линии, так она травница. Пока у неё жил, и научился. Тетушка Берта – она добрая была, упокой ее душу Защитница. Я ежели не ту травку принесу, так она только пару раз ремнем даст, золотое сердце – человек была! – с дебильно-радостным выражением поделился он и обтер рукой нос.

Клык намерился резать утвержденную по результатам обсуждения зелень.

– Ты ее хоть из бурдюка водой обдай, – возмутился я и повернулся к пацану. – И ты иди умойся.

Нашли друг друга, два чистюли, повара – не приведи Защитница. Благо зараза на огне не выживает.

– В лесу грязи нет! – чирикнул мальчишка и, увернувшись от очередного леща, поскакал в сторону реки.

Вот же... стрекозёл малолетний.

Я зачерпнул кружкой варева из второго котла. К ягоде туда добавили какие-то веточки и сушеных трав из запасов Клыка. Получилось очень неплохо. Живот возмущенно забулькал, требуя еды. Даже флабец выбрался из-под своего дерева с кружкой, чашкой, ложкой и луком. Гарант мира и спокойствия в отряде.

Пацан так же вприпрыжку прискакал обратно и, словно нечаянно, стряхнул на меня ледяную воду с рук. Прямо на шею и за ворот, зараза.

– Что вы не едите-то? Несамостоятельные вы какие, – заявил он, забрал половник у остолбеневшего Клыка и тарелку у Грозы, который устроился ближе всего к котлу.

Ну понятно, кто главный защитник!

– Вообще-то мне по старшинству первому положено, – возмутился я.

Флабец принял тарелку с варевом, коротко кивнул и отошел к облюбованному дереву.

– Что же вы сразу-то не сказали? – Филька потянулся за бадейкой Пончика.

– Что не сказал?

– На, держи, – он сунул Пончиковый тазик в руки Клык и стал накладывать туда. – Что вы тут старший, не сказали. Вы хорошо сохранились, я думал, старший – Ровняла.

Забрав у Клыка и протянув двумя трясущимися от напряжения руками кашу великану, мальчишка потянулся за миской Ровнялы. Тот тоже проигнорировал иерархию. Видимо, слишком хотел есть. Так все хотят есть!

– Я по статусу старше!

– А, ну если только по статусу, – мальчишка передал тарелку с едой Ровняле и потянулся за моей. Ну правильно, между мной и Псом выбор очевиден.

– Ой, про статус я не подумал совсем. Вы кушайте, кушайте, дяденька Дикий. Нельзя вам голодному. У вас у голодного статус какой-то особенно старый и сердитый, – протянул мне тарелку паршивец. – Клык, а ты что, есть не будешь?

– Тык я... – варвар, наверное, хотел сказать, что еще не всем наложено, но вдруг вспомнил, что он теперь не младший, и протянул свою расписную миску. Получив порцию, довольный, сел к огню.

Пёс, в отличие от Клыка, источал возмущение. Он поднялся и молча сунул свою тарелку в руки Фильки. Тот наложил с верхом, сделал шаг, чтобы отдать, но запнулся (обо что, интересно?) и вывалил содержимое прямо на... большую часть на землю, Пёс успел отскочить, только на сапоги попало немного.

– Ой, дяденька Пёс, я нечаянно, я совсем нечаянно. Я всё сейчас уберу и помою и в чистое вам положу! – принялся извиняться мальчишка так, что даже я поверил.

А вот Ровняла – нет. Он злорадно ухмыльнулся в усы, поглядывая на сценку из-под бровей.

Пипка быстро сгреб кашу половником обратно тарелку и прежде, чем огорошенный ситуацией Пёс успел что-то сказать, помчался в сторону реки. Потом встал как вкопанный.

– Дяденька Ровняла, у вас случаем мерёжки не найдется? Что даром каше пропадать? Авось рыбы к утру наловим.

– Мой мерожа есть! – отставил свою тарелку Клык и пошел искать снасти в вещах.

Лицо Пса, до которого стало доходить, что он не просто без еды, он надолго без еды, кривилось от эмоций, а пальцы сжимались-разжимались, будто он представлял себе в них мальчишку.

Выхватив снасть у варвара и крикнув Псу: «Я быстро!», Филька умчался к воде.

– Так! Где его вещи? Я сейчас его посуду возьму! – Пёс качнулся в сторону повозки, где лежала котомка парня.

– Пёс, при всём сочувствии, в чужих вещах ты копать не будешь, – предупредил я.

– Да идите вы! – рывкнул он и сделал пару шагов.

Бревно подо мной качнулось, и как по команде поднялись Пончик и Гроза – с верным луком. Со стороны могло показаться, что они поддерживают моё распоряжение. Но я-то понимал, что это всего лишь следствие правильной расстановки приоритетов со стороны поганца-пацана.

Пёс поморщился, но вернулся к костру, зачерпнул кружкой ягодный напиток и стал цедить его мелкими глотками.

Я уже почти справился со своей порцией, когда из сгустившего сумрака появился Пипка.

– Вот, дяденька Пёс, видите, я – мигом, – сыпал он словами, положил в чистую (я надеюсь) тарелку варева и протянул наемнику.

Тот на всякий случай отскочил, но неприятностей не последовало, и он смог нормально поесть.

Раскидав добавки (а каша с грибами и травами получилась неожиданно вкусной), пацан сходил за своей тарелкой и втиснулся между мной и Ровнялой.

Словно ветерок коснулся моей щеки, и по плечу щекотно мазнула хвостом Филькина зверюга. Полубелка, полухорёк требовательно застрекотал.

– Кис-кис, – своим грубым басом позвал его Пончик и протянул в нашу сторону свой тазик с остатками каши на дне.

Зверек чирикнул мне на ухо и рванул по головам (в прямом смысле) к вожаемой еде. Видимо, при его размерах, разницу в росте человеческих существ он не замечал. Шорёк устроился на плече у великана и просительно, судя по интонациям, заверещал.

– Ешь! – показал ему на тазик с кашей Пончик.

– Вы, дяденька, ему на ложке дайте. Этот предатель испачкаться боится, – пояснил с набитым ртом пацан.

Пончик недоверчиво зачерпнул варево ложкой и протянул к плечу. Рыжий звереныш аккуратно зачерпнул лапкой несколько зернышек и шустро их проглотил.

– Ух ты! – восхитился Пончик как ребенок. Своим мощным басом. Зверек сиганул на голову Ровняле, тот зашипел, и хвостатый соскочил обратно на плечо к гиганту. – На! – тот снова протянул ложку.

– Ты же говорил, он только насекомыми, жабами и змейками питается, – ткнул я пацана.

– Ну так когда его не кормят, что ему остается? – пожал плечами Филька, даже не думая смущаться.

Остальная часть ужина прошла без происшествий. Сытые мужики подобрали, даже Пёс утихомирился. Гроза, возможно, тоже подобрел, но этого никто не заметил. Он как-то неуловимо исчез, потом появился со стороны речки с чистой тарелкой и, устроившись в одеяле под своим деревом, задремал. Или сделал вид.

Сгрузив на Пипку обязанности по мытью посуды (никто его за язык не тянул, когда он себя в слуги предлагал), воины неспешно попивали ягодный напиток и говорили за жизнь. Вскоре, гремя котелком с тарелками, вернулся Пипка.

– А правду говорят, что возле столицы нечисти много? – усаживаясь рядом со мной, простодушно поинтересовался Филька.

Глава 11. Пиппа

Мыть посуду в холодной реке было неприятно, но неизбежно. Приходилось соответствовать заявленной роли. Уже давно мне не доводилось опускаться до грязной работы, но то, что ты однажды научился делать руками, остаётся с тобой навсегда. А в детстве мне и посуду приходилось мыть, и полы драить, и сортиры вычищать. Поэтому руки работали сами по себе, а голова – сама по себе.

Что сказать? Я ожидала худшего. Гораздо. У меня в отряде оказалось целых двое сторонников. И двое противников. На моей стороне командир и маг. Этого уже немало. Но и не много – в такой разношерстной компании, где каждый сам за себя. Нужно перетянуть на свою сторону Пончика, и перевес будет на моей стороне. Власть, магия, сила. М? По-моему, звучит оптимистично.

Одно мне не давало покоя: слова тетушки Магды о нечисти возле столицы. Мэтр больше всего не любил три темы: столицы, нечисти и своей молодости. Я понимала, что все три темы были как-то связаны между собой. Скорее всего, нечисть в столице лишила его родных. Во всяком случае, я иногда замечала, как печально он смотрит в свой медальон. Мне он его никогда не показывал и не рассказывал, кто там изображен. Думаю, ему было очень больно говорить об этом человеке. Так же, как о своей юности, столице и нечисти.

Так я это к чему? К тому, что от учителя я информацией не обладала. Даже если он что-то знал, со мною не делился. А я предпочитала знать, чего ожидать. И к чему готовиться.

Поэтому, пользуясь благодушным настроением сытых мужчин, я устроилась на своё ужинное место и поинтересовалась:

– А правду говорят, что возле столицы нечисти много?

– Что, страшно? – едко поинтересовался Пёс.

– Конечно, страшно. Отчего ж нестрашно-то? Все, у кого есть мозги, боятся нечисти. Дяденька Пончик, вот вы боитесь нечисти? Что она вас загрызёт?

– Меня трудно загрызть, – своим басом заметил громила.

– Это понятно, – согласилась я. – Ну а если много нечисти нападёт?

– Если много нечисти, то могут загрызть, – кивнул он.

– Видите, дяденька Пёс, даже такого большого и сильного воина, как дяденька Пончик, нечисть может загрызть. Что же говорить про маленького слабенького меня?

– Так возвращайся, возвращайся. Много там нечисти, – глядя мне в глаза через костёр, стал убеждать старый воин. – Не только нечисти, но и разбойников-душегубцев. Возвращайся, пока не поздно!

– Так вы, дяденька Ровняла, это обо мне беспокоитесь? Вы обо мне не беспокойтесь. Если мне на роду Защитницей положено погибнуть в когтях нешъесса, так от судьбы-то не уйдешь.

– Если ты так покорно принимаешь судьбу, что же не остался в поместье своей хозяйки? – насмешливо полюбопытствовал Дикий.

– Дяденька Дикий, так хозяйка Эллис – она же не нешъесс, – пояснила я. – И когтей у нее нет. И даже зубы не все на месте. Хозяин, он, знаете, как подпивал, так горяч был на руку. Меня вот тоже палкой по спине отходил, что на письма воду пролил. А я, дяденька, аккуратный. Почти. Обычно. А тут Шорька разыгрался, – вдохновенно врала я, подводя к очень важному для меня моменту. – Прыгнул да и уронил вазу с цветами. Их я как раз для хозяйки принес. Так и цветы помялись, и письма промокли. И ваза разбилась. А ваза-то в доме уже лет сто стоит, а то и двести. Выбросили бы давно да новую уже купили. Вот почему, дяденька Дикий, богатые люди такие жадные? – я изображала жалобное выражение на лице.

Воины радостно посмеивались над моей «глупостью». Приятно же чувствовать себя умнее других. Даже если «другие» – это мальчишка-сирота. Только Дикий смотрел на меня как-то... серьезно слишком.

– Если ни когтей, ни зубов, что ж её бояться? – посмеиваясь, спросил Пёс.

– Так, дяденька, дворецкий у неё есть. А у него розги. А я ещё после хозяйниной палки спину не вылечил. Тетка Магда в хурсете велела ходить до самой столицы, и потом еще дней десять.

– В «хурсете»? – переспросил Пончик. Он был тугодум, но, видимо, все остальные слова в моём рассказе были ему знакомы.

– Да! Вот, хотите, покажу? Она мне его переделала из того, что от ее мужа осталось, – я задрала рубашку, демонстрируя всем «доспех», скрывающий девичьи прелести. Сейчас, в темноте, при свете костра была идеальная возможность продемонстрировать его так, чтобы мужчины не рассмотрели лишнего.

– Что же ты не предупредил сразу? – нахмурил брови Дикий.

– Дяденька Дикий, да вы не беспокойтесь, я же всё могу делать! Мне только тяжелое нельзя носить. А если бы я сказал, так вы бы меня не взяли. Зачем вам увечный? Я же не увечный! Я всё могу. Просто не всё умею. Дяденька Ровняла, а правду говорят, что нечисть не просто так появляется, а её кто-то зовет? – переключила я внимание собеседников на другой важный вопрос.

– Кто это тебе такое сказал? – прищурился Дикий.

– Так, дяденька, у хозяйки книга была. Она ее по вечерам читала. И обложка твердая, и золотом отделана. Сразу видно, серьезная книга.

– Ты читать, что ли, умеешь? – насмешливо поинтересовался Пёс.

– Дяденька Пёс, так племянница бабки моей Венди была замужем за дворовым клириком из храма Защитницы. Так я когда жил у них, меня клирик и научил. Так-то я смыслённый. Просто не очень. В книге как раз говорилось, как нечисть появилась.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Дикий.

– Было это давно, лет сто или двести назад, а может и больше. Там точно не говорилось. Так вот, как-то один флаобский маг приехал по делам своим мажеским в наше королевство. А маг был непростой, хоть молодой и красивый. Могушественный был – прямо смерть! И вот пригласили его как-то во дворец. И там он увидел принцессу. А принцесса была – ну такой красивой, что каждый, кто её видал, сразу без чувствов падал.

– Точно от красоты?

– Точно, дяденька Ровняла, там прямо так и написано было. И влюбился маг прямо с первого взгляда. И говорит: «Выходи за меня замуж!» – я специально громко выкрикнула, и пальцы как когти загнула. У нас так всегда в приюте страшилки рассказывали. Воины хохотнули, когда успокоились, а я продолжила: – А она и говорит: «Я подумаю, то-сё, в моем сердце ваши глаза голубые оставили неизлечимый след. А вы еще и маг могушественный, что сил нету, как хочу за вас замуж». В общем, обнадёжила его, подарки всякие от него получала, в беседах с ним за руку держалась. А потом вдруг – раз! – узнаёт маг, что её замуж отдают, только за другого. Разозлился он и так колданул по-древнему, что разорвалась завеса мироздания, и вышли оттуда хитрые нешьясы с рогами, и кровожадные цхерки с челюстями как мой локоть, и чисибуны мелкие, но пакостливые, которые зерно воруют из амбаров. И бросились они все на короля и принцессу. И давай их рвать по-страшному вместе с придворными.

– Придворные тоже короля рвали «по-страшному»?

– Да кто ж их знает, дяденька Пёс. Может, и среди придворных кровопийцы были. По мне так, все хозяева от нешьясов род ведут. Вот когда принцесса при смерти была, подошел к ней маг, а она ему: «Я буду вечно любить тебя до самой смерти!», – и дух отдала. Не обманула,

значить. А маг так расстроился, что руки на себя наложил. Так что никто назад нечисть-то и не загнал.

– А книга-то как называлась? – посмеиваясь, поинтересовался Дикий.

– «Последний проклятый поцелуй» она называлась. Чего вы смеётесь? Нехорошо смеяться над чужой бедой! Они хотя маг и принцесса, но всё же люди, – «обиделась» я.

Книгу я, кстати, действительно читала. Ее привезла с собой гадкая мамаша Беннет. Ну я и позаимствовала. Интересно же, что читают столичные штучки. А тут такая возможность узнать, что из сказанного – правда.

Утерев глаза от слез, заговорил Ровняля:

– Я тоже слышал, что какой-то флабец-чернокнижник когда-то впустил в мир нечисть. Только не от любви, а нанял его основатель нынешней династии, чтобы освободить трон. А когда дело было сделано, не захотел расплачиваться. На что маг сказал: «За половину денег – половина работы». И сбежал. Так никто с ними до сих пор справиться не может.

– Как «нэ может»? Наш шаман может! – влез Клык. – Корол шаман приглашал с нэчист воеват. Шаман загнал нэчист!

– А откуда же она тогда опять появилась? – спросила я. – Выходит, он плохо нечисть загнал?

– Он хорошо нэчист загнал! Нэчист кто-то вызвал. Опят.

– Так, шутки шутками, а нам пора спать, – свернул разговор Дикий. – Я встаю на вахту первый. Потом – Клык. Его сменяет Пёс. Потом Пончик и последний – Ровняля.

– А Гроза? – возмутился Пёс.

– А Гроза будет спать, – отрезал Дикий. – Если нам случится встретиться с нечистью, он наш единственный щит. И он должен быть в полной силе. Вопросы есть?

Вопросов не было. Воины полезли за одеялами. Я устроилась на повозке. После моего рассказа про спину никто не стал задавать вопросов, почему не на земле. Несмотря на то, что большую часть дороги прошла для меня во сне, отключилась я мгновенно, едва успела подложить руки под голову. Сквозь дрему я дернулась от того, что ко мне кто-то приблизился. Я замерла, готовясь дать отпор. Но это казался Дикий. Он укрыл меня своим одеялом. И я уснула снова.

Глава 12. Дик

Мальчишка спал, свернувшись калачиком под моим одеялом. Краем глаза я заметил, как рыжей молнией с дерева на повозку метнулся хвостатый разбойник. Притормозив у края одеяла, который сжимали тонкие кисти мальчишки, он стал возиться. Паренек во сне зашевелился, впуская зверька в тепло. Одеяло еще немного пошевелилось у коленей – шорёк устроился на ночлег. Станный мальчишка со странным зверьком, который, насколько я знал, не приручается.

Дурашливый рассказ Пипки о палке хозяина и розгах дворецкого не шёл из головы. Он побоялся мне рассказать о травме, опасаясь, что я его не возьму. А если бы его с этим котлом за водой отправил? Нелегкая ноша, но в целом ему по силам. Мог? Мог. Особенно после слов Ровнялы про богатенького барчука. И коней купать с мужиками мог отправить. В холодную воду. Он отбрехался бы или стерпел, как до этого терпел наказания хозяев?

Интересно, он действительно умеет читать? Понятно, что на счет приврать мальчишка не дурак. Сочиняет как дышит. Настолько естественно, что найти грань между правдой и ложью практически невозможно. Но ведь интересно, где она проходит. Что на самом деле заставило его прибиться к нашему отряду? С его-то языком он наверняка смог бы напроситься в крупный караван. Но пошел с неизвестным человеком и незнакомой компанией. Что-то подсказывало, что не просто так.

К концу первого дня похода можно было подвести утешительные итоги. Во-первых, обошлось без членовредительства. Во-вторых, мальчишка неожиданно стал центром кристаллизации коалиций. И самые сильные члены отряда пока по одну сторону со мной. В-третьих, нам не грозит умереть от голода. То есть шансы на то, что мы доберемся до столицы, уже на несколько процентов поднялись.

К мыслям о столице добавлялись мысли на другую тему, поднятую Филькой. Тема нечисти. Конечно, то, что пишется в бульварных сентиментальных романчиках для развлечения дам, – это чушь и мрак. Экзальтированным барышням только дай почитать про любовные трагедии, чтобы лишнюю жидкость из организма сцедить. Однако даже в этой высосанной из пальца истории была доля истины. Нечисть действительно впервые появилась в королевстве почти двести лет назад. И действительно, с ее появлением сменилась правящая династия. Как и двести лет назад, у Альберта Третьего Разумного, сегодняшнего короля, не было наследника. Только дочь. Ситуация повторялась. Поэтому в столице ходили слухи, что нашествие нечисти предрекало нынешнему королю скорую смерть, а в высшем свете шли обсуждения возможных кандидатов на трон.

Я же считал, что нечисть появилась не просто от голода в Иномирьи, а потому что ее действительно кто-то призвал. Тут я был солидарен с Ровнялой. Но сомневался в том, что призыв – дело рук флаобцев. Уж кто-кто, а я знал точно, что это под силу обычному магу. И пока кто-то готовит свержение власти, моя задача – доставить артефакт в столицу.

Слова Клыка об участии варваров в укрощении нечисти двести лет назад позабавили. Это у них так национальная гордость подпитывается? Впрочем, истинной картины победы над нечистой никто не знал. Кроме, возможно, королевской семьи. Но она не спешила делиться секретами. Точно было известно только то, что предок нынешнего короля Альберт Первый Великий справился с нашествием, и почти двести лет обитатели Иномирьи появлялись в Королевстве редко и единично. Всё изменилось четверть века назад, незадолго до смерти прежнего правителя.

Доказательств прямой связи нет, но первые нападения нечисти на столицу таинственным образом совпали с возвращением научной экспедиции из развалин Сердца Мира – заброшенного в пустыне древнего города, центра погибшей цивилизации. В экспедицию вошли маги, их

ученики и воины. Из пяти архемагов вернулись четверо. Двое из них создали Сферу, тогда же и утраченную, и так внезапно, но очень вовремя найденную сейчас.

На повозке послышался скрип. Мальчишка перевернулся на другую сторону.

В случае, если Сфера будет доставлена, у меня будут шансы на улучшение ситуации. Его Величество обещал. Я не хотел жить так всю оставшуюся жизнь. Не мог – и не хотел – мириться с той ситуацией, в которой оказался не по своей вине.

Мальчишка снова перевернулся на другой бок. И еще. И снова.

Сначала спит без просыпу весь день, а теперь, понятно, уснуть не может.

– Ну что ты там крутишься как волчок? – не выдержал я.

– Извините, дяденька Дикий, – в полголоса произнес мальчишеский голос. – Я нечаянно.

И перевернулся снова.

– Если хочешь отлить, можешь не уходить далеко, просто немного отойди от повозки.

– Это не я, – пискнул пацан.

– Что значит: «не ты»?

– Это Шорька.

– Шорька так скрипеть не может, ему веса не хватит!

– Что вы там еще днём не обсудили? – раздалось бурчание Ровнялы. – Люди спят!

– Шорька беспокоится, – прошептал мальчишка.

– Пусть идёт погуляет, раз ему под одеялом не сидится.

– Заткнитесь уже! – гаркнул Клык, пробуждая всех тех, кто к этому моменту чудом остался спать.

Ан нет. Пончик продолжал похрапывать.

– Дяденька Дикий, вы меня простите, но мне кажется, что в лесу кто-то есть.

– Сначала страшилки рассказываешь, потом уснуть не можешь, – рыкнул Равняла.

Удивительно, но Пёс не возмущался, а тихо сидел и оглядывался кругом.

– Но там правда...

– Нешьесс! – выругался флабец.

– Вот и я говорю, сколько можно! – поддержал его старый воин.

– Нет, там, в лесу, нешьесс, – пояснил маг.

Глава 13. Пиппа

Я проснулась среди ночи от неясного гула. Странного стука. Не звука, а будто стучало в голову. Или не стучало. Но так «бу-бу-бу-бу». Словно кто-то стучал очень далеко. Но в голове. Вот до чего доводят переживания. Или какие-нибудь травки-специи.

Я перевернулась на другой бок в твердом намерении заснуть, перетащив сонного Шорьку. Когда успел пробраться под одеяло? Попыталась погрузиться в дрему. Сон не шёл. Стук в голове немного стих, отполз куда-то подальше. Но вместо него появилось гадкое ощущение чужого взгляда. Не могу сказать, что для меня это было обычным делом. Но вот прямо сейчас мне казалось, что кто-то смотрит на меня с недобрыми намерениями. Пёс, что ли?

Я повернулась, чтобы проверить своё предположение. Нет, Пёс лежал, повернувшись ко мне спиной и накрывшись с головой. Разве что гадости про меня во сне видел? Однако ощущение навязчивого взгляда не проходило. Спали все, кроме Дикого. Он сидел у костра и крутил в руках веточку. Мало ли какие мысли могут быть у человека, даже если он на первый взгляд дружелюбен? Но командир тоже не смотрел на меня, он уставился на веточку. Или мимо нее, куда-то в себя.

Причудилось.

Я снова отвернулась, надеясь, что неприятное ощущение пройдет, как недавний стук. Но оно не проходило. Оно зудело, как ночной комар над ухом. Я повернулась снова. Не может же там кто-то быть?

А если есть?

Воображение стало рисовать в темном лесу дюжину разбойников. Или гадкого Беннета, который пришел отобрать ворованные богатства и забрать меня. Понятно, что от таких мыслей остатки сна окончательно развеялись.

– Ну что ты там крутишься как волчок? – раздался приглушенный недовольный голос Дикого.

Кручусь себе и кручусь!

– Извините, дяденька Дикий, – как можно виноватее произнесла я. – Я нечаянно.

Почему-то в бодрствующем состоянии спать на сундуках было совсем неудобно. Сразу обнаруживались всякие углы, кованые ребра, стыки... В следующий раз нужно будет лапника набросать сверху. Я покрутилась в попытке устроиться удобнее.

– Если хочешь отлить, можешь не уходить далеко, просто немного отойди от повозки, – влез со своим очень своевременным советом Дикий. Я в принципе в туалет не хотела (главное поменьше об этом думать, не то захочу), а уж тем более – «отливать» поблизости.

И тут мне в голову пришла замечательная идея, на чью здоровую, но сонную голову свалить свои беды:

– Это не я.

– Что значит: «не ты»? – поинтересовался командир чуть громче, чем следовало бы среди ночи.

– Это Шорька.

– Шорька так скрипеть не может, ему веса не хватит! – возмутился Дикий почти в полный голос.

И, разумеется, всех перебудил. Вопреки здравому смыслу ощущение враждебного взгляда только усилилось. Вместе с ним накатила паника. Я решилась. А вдруг там действительно кто-то есть?

– Шорька беспокоится, – хрипло произнесла я. Пока остальные обсуждали ночное пробуждение, я пыталась совладать со стуком зубов. Ноги и руки заledenели. Я зажала ладони

между бедер, пытаюсь согреться. – Дяденька Дикий, вы меня простите, но мне кажется, что в лесу кто-то есть, – наконец удалось мне выдавить из себя.

– Сначала страшилки рассказываешь, потом уснуть не можешь, – возмутился Ровняла.

– Но там правда... – пролепетала я, закрыв глаза, и меня накрыла новая волна паники. Я огляделась.

Пончик продолжал спать как ни в чем не бывало. Клык сел и сжал в пальцах клыки, которые висели на кожаном шнурке у него на груди. Пёс молчал, видимо, еще недостаточно проснулся и набрался желчи. Ровняла пытался улечься, что-то бормоча под нос.

– Нешьесс! – выругался Гроза, вставая в полный рост.

– Вот и я говорю, сколько можно! – поддакнул Ровняла.

– Нет, там, в лесу, нешьесс, – сказал маг тоном для непонятливых.

Пёс и Дикий подскочили сразу. Клык что-то бормотал под нос с закрытыми глазами. Ровняла поднялся, кряхтя и опираясь на свой меч, и пнул Пончика в плечо.

– А? Что? Уже утро? – всполошился великан.

– Утро, ага, – пробурчал Ровняла, затягивая ремни доспеха. – Доброе.

– А чего затемно-то? – возмутился Пончик, потирая глаза.

– У нас гость, – просветил Дикий и обратился к Грозе: – Будешь призывать?

– Не ждать же, пока он сам нападёт? Я еще поспать надеюсь, – заявил маг и начал речитатив незнакомого мне заклинания. Его руки двигались, выписывая фигуры, и мне казалось, что от пальцев остается золотой след, тающий в воздухе.

– Пончик, вставай, – поторопил великана Дикий. – У нас не так много времени. Филька идет к костру, разводит сильнее. Нечисть огня боится. Ровняла с Клыком держат перед и право. Я и Пёс – лево и зад. Пончик, ты прикрываешь Грозу. Понял?

Пончик молча поднялся, поднял свой топор и потопал к магу. Я сунула Шорьку в подмышку, сползла с телеги и вместе с одеялом на полусогнутых двинулась к костру. Костер – это хорошо. Это тепло. Я подкинула в огонь дров, укладывая их шалашиком, укуталась в одеяло с головой и чуть было не пропустила появление нешьесса. Скажу честно: вот ничего бы я не потеряла, если бы пропустила. Но шансов не заметить его у меня не было. Он так заревел, что я чуть в штаны не оконфузилась.

Он выскочил на поляну прямо на мага с Пончиком. Огромный, похожий на человека в плаще, только без рук и головы. И без ног. Такой очень злой, разъяренный даже, сияющий алым летающий плащ с капюшоном, из-под которого пылают пять угольков. Глаза: простые и магические. Понятно, когда пятью глазами на тебя смотрят – это совсем не то же самое, что двумя. Я оставила небольшую щель между лапами одеяла, чтобы видеть, что происходит. Холод меня внезапно оставил, наоборот, стало жарко. Но под одеялом было не так страшно.

Великан вышел вперед Грозы, и принял летящее тело на топор. Раздалось шипение. Сначала я подумала, что это нешьесс шипит. Но в том месте, где «плаща» коснулся топор Пончика, дымилась черная прореха. Правильно, нечисть боится каленого железа. Я думала, она её абстрактно боится. А оказалось, что вполне конкретно.

Гроза запел новое заклинание, а нечисть с двух сторон стали зажимать остальные воины. «Плащ» рванул к Ровняле с такой скоростью, что я едва успела уловить движение. Воин вскрикнул, и почти одновременно раздалось шипение. Сбоку на нечисти появилась черная прореха от двуручника Пса.

Нешьесс, рыча, заметался между воинами, бросаясь на всех без разбора, черных дыр становилось всё больше, и тут Гроза внезапно умолк на высоком звуке, нечисть оглушающе заревела, вспыхнула огнем и осела кучкой пепла.

– Всё что ли? – полуспросил, полувыдохнул Ровняла, опуская руку с мечом.

– Больше нет? – с рваным дыханием спросил Дикий.

– Были бы – налетели уже, – тоже шумно вдыхая воздух после каждого слова, сказал Пёс.

– Нет, – коротко сказал Гроза. Вообще непонятно, то ли не напали бы, то ли больше нет, но судя по тому, что он, пошатываясь, пошел к своему дереву, всё же второе.

Следом за ним пошел Пончик. Проводив мага до дерева, он завалился спать. Вот у кого сила воли железная!

– Сильно задел? – спросил у Ровнялы Дикий.

– Нет, руку зацепил, перчатку надеть поленился.

– Он и сквозь перчатку может, – поделился опытом Пёс.

– Я дам маз, – сказал Клык, отлипая от меча, на который он опирался.

– У меня тоже есть, – уведомил Дикий.

– Мой шаман делал, – важно заявил варвар.

– Ну если шаман, – чуть насмешливо ответил Ровняла и пошел к костру, где светлее.

Набросанные мною дрова пылали в полную силу, но еще не выгорели, поэтому у костра было довольно светло. Ровняла левой рукой закатал опаленный рукав рубахи, открывая на предплечье черный ожог с налитыми пузырьками краями. А он еще и дрался с такой раной. И даже не застонал ни разу, пока дрался. Его лицо было перекошено, но он молчал. Я бы орала как резаная на его месте.

Клык подошел к воину со склянкой и толстым слоем наложил на рану темную жижу. Ровняла сжал челюсти, пока Клык бинтовал руку, но очень скоро его лицо стало расслабляться.

– Твой шаман знает толк в мазях, – признал Ровняла. – Благодарю. Храни тебя Защитница.

– Завтра поменат надо, – словно не заметил благодарность варвар.

– Дикий, давай я сейчас встану на вахту. Всё равно не усну, пока мазь в полной мере не подействует, – попросил раненый.

– Хорошо. Остальной порядок без изменения. Тебя сменяет Клык. Всем спать! – распорядился командир. – Филька, – он потянул за одеяло, открывая моё лицо, – страшно было?

Я кивнула.

– Ты молодец!

Я кивнула.

– И зверек твой молодец, не зря кашей его кормили.

Я кивнула.

– Уснешь?

Я снова кивнула. Не сразу, конечно. Но усну. Как спать буду, тоже вопрос.

– Хочешь – ложись рядом, чтобы не так страшно было, – неожиданно предложил Дикий. – Тут у костра тепло.

Я кивнула. Сейчас мне меньше всего хотелось на сундуки, в темноту. Вообще не уверена, что смогу теперь там спать.

Он завалился на место Ровнялы, поднимая край одеяла и приглашая меня присоединиться. Я помотала головой и сходила за своим покрывалом, которое забрала еще с сенника на конюшне у мэтра, и сумку, которую сунула под голову. Знакомый запах трав, тепло, Дикий, от которого шла волна спокойствия, – и я уснула почти сразу. И проспала до утра без кошмаров.

Глава 14. Пиппа

Я проснулась с ощущением чего-то неправильного, непоправимого. Когда способность соображать вернулась, я поняла, что не так. Со мною не было Шорьки. Я настолько привыкла к тому, что он спит со мной, что, не обнаружив зверька на месте, испугалась. Сев рывком, я огляделась. Рыжий разбойник устроился на плече у Пончика и ел крошки с огромной ладони.

– Если вы его так кормить будете, дяденька Пончик, он себе пузо разожрет и уже прыгать не сможет.

– Хорошего зверя должно быть много, – заявил счастливый великан и погладил Шорьку пальцем.

Тот возмущенно заверещал, оторвавшись от еды. Шорёк не любил, когда его трогали. Но подлый предатель продался за булку.

– Нельзя потише? – пробурчал, накрываясь с головой, Дикий.

– Меня тут вообще уже нет, – заверила я и встала, потягиваясь затекшими конечностями. – Ты как знаешь, – обратилась я к шорьку, – а я на речку.

Я посмотрела на котомку и решила, что под присмотром Пончика и под носом у Дикого её можно оставить. Первые десять шагов мне дались с трудом. Шорька – мой. Он всегда был только мой, и я впервые в жизни испытала ревность. Думаю, это была она. Судя по тому, что о ней рассказывали другие. Но на одиннадцатом зверек отчаянно засвистел и скоро уже карабкался своими острыми коготками по моей спине. Он продолжал негодовать: хозяйка или булка – это очень сложный выбор. Но я радостно провела рукой по его шелковистой шерстке, чем вызвала еще больше свиста.

Ближе к приречным зарослям Шорька успокоился и сиганул в кроны. Никогда не знаешь, когда повезет в следующий раз попрыгать по веткам с такой хозяйкой. Убедившись, что за мной никто не идёт, я заглянула в кустики. В такой компании «кустики» могут стать проблемой, поэтому с питьем с утра нужно быть осторожнее.

Я умыла лицо ледяной водой и прошлась по берегу, приглядываясь к плавнику. Набрала охапку всякого и несколько небольших, крепких коряжин сунула в карманы. Когда вернулась, в лагере уже было оживленно. Котлы с водой, набранной с ночи, побулькивали ухой. Рядом с ними сутился Клык, и я пристроилась к нему в помощь. Котел вызывал уважение объемами. Всё же наготовить еды на шестерых здоровых мужиков – та еще задача. Лицемер Дикий с таким видом сетовал на необходимость кормить нас с шорьком... Да если просто соскрести остатки со стенок этого котлища, хватит и на меня, и на Шорьку, и на десяток его приятелей.

Утренние сборы шли неспешно и без лишних эмоций. Никаких разговоров про вчерашнего гостя. Если бы не рана Ровнялы, можно было бы подумать, что мне всё приснилось. Впрочем, теперь, в свете утра, стало видно, что и на других нечисть оставила следы. У Пса был подпален рукав, у Дикого – отчего-то штанина на коленке. По копоту на оружии можно было судить, кто нанес врагу больше всего ран. Меч Пса и топор Пончика особенно выделялись. Меньше всего повезло Ровняле, но это понятно. Рана, кстати, у него заживала буквально на глазах. Я было подумывала колдануть незаметно, но судя по тому, как затягивался ожог, необходимости в этом не было. Шаман оказался силён.

После завтрака мы тронулись в путь. Шорька вольготно устроился на плече Пончика. Это понятно: там и места больше, и обзор лучше, и точно никто не засунет подмышку. Я достала из кармана коряжину, ножик из котомки и привычно принялась стругать деревяшку, придавая ей форму. Заготовки под простейшие заклинания никогда не лишние. Особенно в дороге.

– Ого, какой нож! – громко заметил Ровняла. – Откуда он у тебя?

– Так, дяденька, я же сирота, – пояснила я.

– И что? – спросил он.

– Сироту всяк обидеть норовит.

– А ты?

– Я не обидчивый, дяденька Ровняла. Отомщу по-быстрому, – я старательно затачивала кончик изогнутой палки. – И забуду.

Воин хохотнул:

– Слышал, Пёс, что Пипка говорит?

– Пипка – плохо, – неожиданно заявил Пончик.

Я от неожиданности чуть не порезалась. Ножик-то заговоренный, полпальца отхватишь и не заметишь.

– Что тебе плохого Пипка сделал? – тоже удивился Дикий.

– Пипка хороший, имя плохое, – охотно пояснил великан, и у меня отлегло от сердца.

– Он не Пипка, он у нас настоящий Пипец! – съязвил Пёс.

– Имя не очень, да, – проигнорировал его Дикий и задумался: – Пусть будет Скалозуб.

– Длинно, – возразил Ровняла.

– Скала, – предложил прямой, как лом, Клык.

– Какой из него «Скала»? Так, Скалёныш, – фыркнул Пёс.

– «Скалёныш» – это в точку, – согласился Ровняла.

– Будышь Скалоныш, – шлёпнул мне плечу Клык со всей своей варварской дури.

– Хвала Защитнице, – буркнула я, пытаясь восстановить работоспособность конечности.

– Это за что? – спросил Дикий и злобно зыркнул на варвара. Тот сделал вид, что ничего не было и, цокнув, ускорил шаг коня.

– Что не Пончик, – пояснила я.

Скалёныш так Скалёныш. Я что? Могу и позубоскалить, могу и оскалиться, могу и упереться, как скала.

Мужчины заржали, а я вернулась к вырезанию фигурки. Всё лучше так, чем бездельничать.

Какое-то время мы ехали молча. Потом Пончик затянул песню таким низким голосом, что, казалось, даже повозка вибрировала. В песне говорилось о воине, который остался один против стаи цхерков, и они разевают свои огромные огненные пасти, а он вспоминает девушку, что его не дождется и выйдет замуж за другого, отчий дом, дерево у крыльца... Следом за Пончиком тоскливую песню подтянули Дикий и Пёс. И даже Клык, который не очень дружил со слухом и слова не особо знал. Душевно так. И чего они над книгой гадкой мамыши Беннет смеялись? Хотя, конечно, мужские страдания – это совсем не то же самое, что женские. Женщины же про всякие глупости страдают: про любовь, верность, смерть. Другое дело мужчины! Они про смерть, верность, любовь!

Дорога шла до ужаса скучно. Мы ехали, ехали, ехали. И всё! И даже не встретили никого. Людей можно понять. Кто захочет путешествовать, когда нешьессы на путников нападают? Понять-то можно, но очень скучно. Мы даже ни одной остановки не сделали. Воины время от времени отставали по своим делам, а потом нагоняли. Хоть какое-то развлечение.

Как выяснилось, остановок не было потому, что впереди ждало село, где нам предстояло заночевать. Ночёвка в селе – это просто замечательно! Когда в самый зной впереди показались крыши домов, я воспрянула духом и полезла в котомку прятать нож и вырезанные заготовки. Где-то на самом дне мешка валялись мелкие деньги, которые могли пригодиться. Я закопалась двумя руками в содержимое котомки, отмечая про себя, что неплохо было бы кое-что из ценного зашить в корсет. Перебирала вещи, и сама не знаю, как получилось, но конверт, который я забрала из тайника мэтра, внезапно открылся, и оттуда показался корешок записной книжки. Может, письмо никогда и не было заклеено?

Я перерывала мешок, а записная книжка высовывалась всё сильнее и сильнее. Любопытство выгрызало меня изнутри. Я открыла книжку прямо там, в сумке, чтобы не привлекать лишнего внимания. Внутри она была исписана мелким почерком.

Я с надеждой смотрела на приближающиеся дома. Если бы учитель хотел, чтобы я её не прочитала, он бы заклеил конверт, верно? А если не заклеил, то наоборот. Если удастся найти место, где я смогу уединиться, обязательно прочитаю, что там.

Глава 15. Пиппа

Село оказалось достаточно большим, и даже имело свой постоянный двор. Как я поняла из разговора между Псом и Ровнялой, мы шли не главным трактом на столицу, а в обход, по отдаленным графствам, а дорога была терпимая, потому что соединяла два крупных города. Несмотря на нешьесса, который напал на нас ночью, постоянный двор был полон. То ли о нечисти здесь не знали, то ли её и вправду было очень мало, и мы просто такие везучие. Повозку загнали во двор, в ряд с еще тремя. Так как готовить на всех еду не требовалось, меня с лошадьми отправили в конюшню: распрячь, выскрести, обеспечить довольствием. У мэтра этим, конечно, конюх занимался, я была не слишком умела, но способность договариваться с животными мне помогла.

Как ни странно, самым капризным оказался мерин Ровнялы. Упрямый и злоющий, хоть ему и не положено характер проявлять, как без хозяйства остался. Чуть за руку не укусил. И навалил прямо у меня под носом. Чудом мимо сапога промахнулся. Всю дорогу для меня берег. Вот кого нужно было назвать Нешьессом!

Закончив с конями, я полезла на чердак амбара. По случаю хорошей погоды он проветривался. Там было светло, тихо – просто идеальные условия, чтобы сунуть нос в таинственную книжечку. Ее кожаная обложка потемнела от времени, листы слегка пожелтели и были истрепаны по краям. Корешок разбух, будто ее часто раскрывали. Поднесла книжку к носу. Она неуловимо пахла кабинетом мэтра: экзотическими пряностями, сухими травами, старыми книгами. Я глубоко вздохнула. «Нужно оставлять прошлое в прошлом», – учил меня мэтр Миль. – «Память должна хранить только светлое». Согласна. Вот доберусь до господина – я взглянула на конверт – герцога Р. Конвея, обеспечу себе защиту, отомщу убийце учителя – и буду помнить только светлое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.